

Новая Польша 12/2016

0: Интеллигенты

Невозможные
эти господа интеллигенты

Однако же вопреки своей невозможности
они существуют

Нет у них инстинкта самосохраненья

Неблагодарные
кусают грудь питающую млеком

Сгорают со стыда
за несовершенство мира
на всех кострах

Придумывают
перпетуум мобиле
государство солнца

множественность действительностей «Множественность действительностей в искусстве» (1918) – трактат польского философа, математика, художника и теоретика искусства Леона Хвистека (1884-1944).

и время от времени дабы облегчить страдания близких
гильотину

В рамках эксперимента
кладут свою голову под нож

Доктор Маркс
придумал прибавочную стоимость
и об этих цепях кроме которых
вы конечно помните
пролетариату нечего терять
Доктор Корчак
придумал «Как любить ребенка»
и до конца держался этого:
маленькой теплой ладони
в изябшей руке

Граф Толстой не окончил курс юриспруденции придумал
«Не могу молчать» против смертной казни
и что зло рождает новое зло Постановил
прервать

Доктор Швейцер теолог придумал
что нужно спасать тело
прокаженных негров и сказал
Я иду Господи

Доктор Жансон француз впрочем не знаю доктор ли придумал
что французы должны убратся
из Африки многие
считали его плохим французом

А доктор Халубинский из Варшавы
вскарабкивался все выше
молодеющим сердцем и задержавшись
на обрыве ветра придумал

карпатских горцев не улыбайтесь помысел доктора Халубинского
Титус Халубинский (1820–1889) — польский врач и
естествоиспытатель, открыл лечебную и туристическую ценность польских Татр, привлек внимание к культуре татрских горцев.
тоже был не такой уж глупый

1972

1: Мартин Корнак

Журнал «Нигды венцей» («Никогда больше») опубликовал недавно специальный номер, посвященный Мартину Корнаку — скончавшемуся в 2014 г. основателю этого издания, а также создателю общества «Никогда больше». В одном из напечатанных там текстов мы читаем: «Мартин Корнак. Поэт. Текстовик. Антифашист. Активный участник движения, борющегося за права людей с ограниченными возможностями. Публицист. Выдающийся знаток и коллекционер альтернативной музыки. Это множество его воплощений позволяет думать о Мартине как о современном человеке Ренессанса».
Сегодня, когда в Польше всё громче звучат выступления крайне правых и набирают силу сочувствующие им организации, важным и необходимым голосом становятся воспоминания людей, на протяжении многих лет знавших Мартина Корнака и совместно с ним боровшихся с теми угрозами, которые несут с собой национализм, популизм и ксенофобия.
На более чем двухстах страницах упомянутого журнального номера мы найдем высказывания видных гуманистов, общественных деятелей и политиков.
Представляем фрагменты избранных воспоминаний.

Анна Татар

Мартин Корнак

Основатель и президент общества «Никогда больше»

Мартин Корнак, основатель и президент общества «Никогда больше», а также главный редактор одноименного журнала, скоропостижно скончался 20 марта 2014 года. Он был общественным деятелем, комментатором публичной жизни, а также поэтом и автором текстов, исполняемых разными рок-группами, выступавшими на независимой сцене. С 15-летнего возраста Мартин после несчастного случая передвигался на инвалидном кресле. В 1992 г., будучи молодым парнем двадцати с небольшим лет, он основал в своем родном городе Быдгоще неформальную молодежную антинацистскую группу. Это было ответом на поджог местными нацистами-скинами общежития, где проживали студенты из Африки и Азии. Нападавшие забросали здание бутылками с зажигательной смесью — так называемым «коктейлем Молотова». Два года спустя Мартин учредил журнал «Нигды венцей» — в настоящее время главное антирасистское издание в Центральной и Восточной Европе. Оно продвигает идею мультикультурности, а также популяризирует культурное достояние национальных и этнических меньшинств. На страницах нашего журнала печатались, в частности, такие гости, как проф. Владислав Бартошевский, Марек Эдельман, Ежи Гедройц, проф. Михал Гловинский, проф. Мария Янион, Ян Карский, Яцек Куронь, Симон Визенталь и многие другие выдающиеся литераторы и публицисты, специалисты по борьбе с ксенофобией и расизмом, а также различные авторитетные фигуры, участвующие в публичной жизни. В 1996 г. Мартин становится президентом общества «Никогда больше» и выступает инициатором целого ряда общественных кампаний, в которых — уже на протяжении двадцати с лишним лет — принимают участие тысячи людей, причем не только в Польше, так как такие мероприятия притягивают сочувствующих, сторонников и подражателей в самых разных странах Восточной и Западной Европы. (...) Уже в 1996 г. наше общество становится инициатором успешной кампании за внесение в Конституцию Республики Польша запрета на деятельность фашистских и расистских организаций (статья 13). Со временем наше общество, благодаря тесному сотрудничеству и личной дружбе Мартина Корнака с Рафалом Панковским (социологом и политологом, в настоящее время — профессором столь солидного варшавского высшего учебного заведения, как Collegium Civitas, а также широко известным исследователем крайне правых движений в Польше и Европе), начинает сотрудничать с такими международными организациями, как Совет Европы, Организация Объединенных Наций и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. Кроме того, общество «Никогда больше» активно участвует в международных антирасистских сетях. (...) Благодаря своим последовательным и эффективным действиям против расизма и ксенофобии указанное объединение завоевывает себе доброе имя у нас в стране и за рубежом — оно становится организацией, которая

специализируется в мониторинге преступлений, совершаемых неофашистами и людьми крайне правых взглядов. В 1996 г. Мартин начинает вести и издавать «Коричневую книгу», которая содержит описания происходящих на территории Польши событий с расистской или ксенофобской подоплекой, а также различных актов дискриминации, — и с тех пор продолжает эту работу непрерывно в течение 18 лет. (...) Результаты этого мониторинга приобретают репутацию наиболее обширного и достоверного собрания тщательно обработанных данных по такой проблеме, как ксенофобские акты насилия (их еще называют «hate crimes» — преступления на почве ненависти) в Польше. Им пользуются разнообразные средства информации, научные центры и международные организации. В 2013 г Генеральная прокуратура Польши обращается к обществу «Никогда больше» с просьбой провести мастер-классы по тематике расизма и ксенофобии для почти 100 прокуроров со всей страны, которых назначили для ведения такого рода дел на местах. Мартин был страстным болельщиком (...). В 1996 г. он инициировал общественную кампанию «Выбьем расизм со стадионов», обращенную главным образом к футбольным фанатам, а также ко всем, кто связан с указанным видом спорта, — участникам соревнований, тренерам, спортивным деятелям и журналистам. Объединение «Никогда больше» — по образцу западных стран — пропагандирует среди болельщиков антирасистскую позицию и стремится к изгнанию со стадионов страны фашистской символики, которая до недавнего времени была на них буквально повсеместной. А также сотрудничает с УЕФА, Польским футбольным союзом и многими спортивными клубами. Например, были проведены соответствующие просветительские акции на чемпионате Европы 2008 г. Далее, по решению УЕФА, объединение «Никогда больше» координировало программу общественной ответственности «Respect Diversity» (Уважай разнообразие), реализовавшуюся под эгидой УЕФА в Польше, а также во всем регионе Восточной Европы как часть подготовки к Евро 2012, — это был специальный комплекс антирасистских образовательно-просветительских мероприятий, связанных с приготовлениями к чемпионату Европы по футболу 2012 г. в Польше и на Украине. Мартин обожал музыку. (...) В 90-е он был инициатором кампании «Музыка против расизма». Возглавляемое им общество привлекло к кампании исполнителей, работающих в самых разных музыкальных жанрах, благодаря чему позитивный посыл охватил сотни тысяч слушателей. (...) Пройденный Мартином путь в некоторой мере отражают премии и награды, которые он получил за последние годы. Так, в 2012 г. ему присвоили почетное звание «Человека без барьеров», которого удостоиваются лица с ограниченными возможностями, чья «общественная активность, ангажированность и общественная позиция служат для других примером и источником мотивации в борьбе за ликвидацию барьеров в повседневной жизни». В том же 2012 году Мартин стал лауреатом проводившегося еженедельником «Newsweek Polska» конкурса на звание «Общественник 2011 года», в котором наградами отмечается общественная «активность отдельных лиц и стоящих за ними организаций». Несколько ранее, в 2011 г., президент Бронислав Коморовский наградил его Офицерским крестом ордена Возрождения Польши за заслуги «в построении гражданского общества». (...)

Агнешка Висневская **ПЕРВОПРОХОДЕЦ**

(...) С 1994 г. Корнак готовил к публикациям все выпуски журнала «Нигды венцей». На страницах 20 номеров этого издания, печатались, в частности, тексты знаменитого редактора парижской «Культуры» Ежи Гедройца, историка литературы и идей Марии Янион, литературоведа и писателя Михала Гловинского, оппозиционера Яцека Куроня, шведского писателя и журналиста Стига Ларссона. Корнак отслеживал то, что происходит в Польше. Он много читал. Обладал превосходной памятью и отлично ориентировался в том, кто и как высказывался на темы, связанные с ксенофобией и расизмом. Когда планировался очередной номер журнала, он мгновенно предлагал фамилии тех публицистов и общественных деятелей, кого стоило бы попросить написать статью для данного выпуска.

Работа руководимого им объединения, как и работа самого Корнака — это еще и просвещение. Во время Евро 2012 объединение «Никогда больше» было официальным партнером УЕФА. Приготовления к этому европейскому первенству заняли три года. Три тысячи полицейских были обучены распознавать расистскую символику, аналогичную подготовку получили и стюарды, помогавшие гостям чемпионата. Объединение вело также просветительскую деятельность среди польских прокуроров, занимающихся преступлениями на расистской почве. Впрочем, кампания «Музыка против расизма» тоже носила образовательно-просветительский характер. В 90-е годы у каждого из моих знакомых по лицу были в ходу комплекты магнитофонных кассет с логотипами, изображавшими белую и черную ладони. На таких кассетах и концертах воспитывалось целое поколение. Роберт Матера из польской группы «Дезертир» вспоминает, что музыканты воспринимали тогда всю эту кампанию как просветительскую деятельность. «Мы старались открывать людям глаза», — говорит он. «Никогда больше» — это на самом деле сеть из нескольких десятков волонтеров. Мартин Корнак поддерживал со всеми ними контакт. «Когда ему звонил какой-либо молодой человек, мечтавший исправить мир, у Мартина всегда находилось время, чтобы поговорить по душам. А если звонил кто-то, кого избили, и кто не знал, как поступить и что сделать, Мартин всегда давал совет. Ни один телефонный звонок, ни одно электронное письмо

не оставались без ответа», — говорит сотрудничавшая с Корнаком Анна Татар. И дальше рассказывает: «Когда в 90-х годах неофашисты из Быдгоща швырнули коктейль Молотова в общежитие, где жили иностранцы, Мартин сказал: «Хватит, никогда больше!».

В последнее время Корнак энергично занимался убеждением польских властей в необходимости ратифицировать Конвенцию по борьбе с уголовными преступлениями в киберпространстве, а также дополняющий ее «Протокол о борьбе с расизмом в компьютерных сетях». Указанный протокол был подписан Польшей в 2003 г., но вплоть до сегодняшнего дня остается не ратифицированным.

Мне не довелось знать Мартина Корнака лично. Впрочем, мы обменялись несколькими мейлами. Однажды он поблагодарил меня за «те хорошие и сердечные слова», которые я написала про «Никогда больше» в одном из текстов. Там было не более чем несколько фраз, но Корнак посчитал, что и за них следует сказать «спасибо». Многие из тех, кого я сегодня спрашиваю о Корнаке, говорят, что тоже, в общем-то, не знали его лично. Он передвигался в кресле и редко «бывал в свете», поэтому для нас он, скорее, имя, чем лицо. Ну, и, конечно, то, что он сделал.

Игнаций Дудкевич

ОН НЕ ВИДЕЛ БАРЬЕРОВ

Воспоминания о Мартине Корнаке

— Мне никогда не приходилось встречаться с Мартином Корнаком, — говорю я в самом начале разговора.

— Вы не исключение, — улыбается Эльжбета Яницкая, известный фотограф, автор работ о Холокосте и антисемитизме.

— Многие люди знают, кем был Мартин Корнак, но мало тех, кто был знаком с ним лично. Конечно, многие знают, кем он был. Но не так-то легко описать это в нескольких фразах.

Деятель

Он был общественником. Родился в 1968 г. Отчасти это символично. Этот год запомнился в Польше студенческими волнениями, которые завершились мощной партийно-государственной антисемитской кампанией и выдавливанием из страны десятков тысяч евреев, в основном интеллигентов. — Здесь и далее прим. пер. (...)

Мартин часто высказывался на самые разные темы, был комментатором публичной жизни, во время изнурительных многочасовых разговоров помогал журналистам, работающим над текстами по антидискриминационной тематике. Как вспоминают многие, он передавал людям все имевшиеся у него знания, вкладывая всё свое дружелюбие и добрую волю в то, чтобы помочь кому-либо, чтобы показать, как об этом надо говорить и как думать. (...)

Титан

Мартин был тружеником.

— Он концентрировался на самых важных вещах. А самое важное — это не присутствие, а действие, — говорит Э. Яницкая.

— В свою работу он вкладывал титанические усилия и не знал передышек, так как чем больше он работал, тем больше нужно было сделать. Казалось, этому человеку сносу нет, причем в нем всегда было видно внутреннее спокойствие. Но он платил за это ценой собственного здоровья.

Мартин никогда не оставлял без ответа ни единого мейла, письма или телефонного звонка. Причем откликался немедленно, в любое время, в том числе и посреди ночи.

Эрудит

Этот человек был настоящим кладом знаний. (...)

— Он обладал огромными знаниями и невероятной эмпатией. Умел разговаривать с каждым и обо всем, — рассказывает Анна Татар. — Могло сложиться впечатление, что Мартин знает всё, но вместе с тем он никогда этого не использовал — оставался очень нацеленным на собеседника, и его неизменно интересовало то, о чем кто-то намеревается рассказать.

Дальтоник

По отношению к каждому он проявлял себя человеком теплым, открытым, доброжелательным. И дело тут вовсе не в приторно-слащавых воспоминаниях. (...)

— Мартин был чудесным дальтоником, — говорит Э. Яницкая, — он не видел и не различал ни классов, ни рас, да и эмблемы престижа тоже не производили на него ни малейшего впечатления, хотя он и знал, каким образом использовать их в борьбе с миром, который глух к аргументам.

Не без причины Корнак получил от «Общества друзей интеграции» премию «Человек без барьеров». «Думаю, эта формулировка в сжатом виде очень много говорит о Мартине, она прямо-таки символична, — говорит Анна Татар. — Он действительно не знал никаких барьеров, всей своей жизнью старался бороться с ними и преодолевать их. В любое время, всегда».

Визионер

Мартин был великолепным организатором.

Уже в 90-е годы он был вдохновителем независимой музыкальной сцены в Быдгоще, писал тексты для панк-групп и рок-ансамблей. Уже тогда его фигура обрастала легендами. (...)

Этот человек собирал вокруг себя людей, мыслящих так как он, с таким же запасом терпения.

— Он умел создать в нашем обществе такую атмосферу, что свои обязанности мы выполняли с полной вовлеченностью и отдачей, будучи абсолютно убежденными в том, что именно так и следует делать, — вспоминает Анна Татар. (...)

Наблюдатель

Мартин был реалистом и внимательным аналитиком.

Знал, что на изменение менталитета требуются годы. И вместе с тем видел, что в некоторых смыслах ситуация становится всё хуже.

— Он в полной мере осознавал, что фашизм — это не только эксцесс, связанный с какой-то маргинальной проблемой; напротив, фашизм представляет собой явление, присутствующее в главном течении культуры и в элите нашего общества, — говорит Э. Яницкая.

— Ему хватало мужества говорить это громко и тут же открыто клеймить то, каким образом функционировали в этой связи полиция, суды, прокуратура, Церковь или средства информации. Корнак видел, что во многих случаях эти институты общественного доверия легитимируют ксенофобию.

Его стихией было непосредственное вмешательство. Яницкая говорит прямо:

— Он был «и глазом, который видит, и ухом, которое слышит, и книгой, в которой всё записано». Без него многие дела, многие акты насилия пропали бы бесследно. У тех простых людей, кого ни общественные авторитеты, ни полиция, в общем-то, не хотели слушать, было к кому обратиться. Тем самым они могли освободиться от чувства бессилия. (...)

Незаменимый

Он был единственным и неповторимым.

— Мартина невозможно заменить, насчет этого нет никаких сомнений, — говорит Анна Татар. (...)

— Его образ получается по существу кристально чистым. Но, возможно, это потому, что он именно таким и был...

ОН ЧЕРПАЛ ИЗ СОБСТВЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Из беседы с Петром Павловским, президентом Общества друзей интеграции и фонда «Интеграция»

— Как вы воспринимали деятельность Мартина — ту проблематику расизма, дискриминации и предубеждений, которой он занимался? Что, на ваш взгляд, изменилось благодаря его деятельности в объединении «Никогда больше»?

— На меня производило огромное впечатление, что Мартин, находясь в труднейшей ситуации, в которой он оказался, берется за столь сложную тематику, касающуюся, как бы там ни было, в том числе и его самого. С одной стороны — борьба с расизмом, а с другой — сопротивление действиям лиц, мягко говоря, не способствующих функционированию людей с ограниченными возможностями: мы ведь знаем, что существуют круги, которые охотно исключили бы нас, людей подобного рода, из общества или спрятали куда подальше. С полной уверенностью можно утверждать — и, думается, любой из нас осознаёт данный факт, — что благодаря объединению «Никогда больше» мы сегодня находимся в совершенно другой ситуации в смысле понимания того, что представляет собой расизм. Титаническая работа Мартина привела к тому, что мы как народ воспринимаем сейчас указанное явление совершенно иначе, нежели прежде.

— В 2012 г. Мартин был удостоен за свою деятельность почетного звания «Человек без барьеров». Как, по вашему мнению, выглядит сегодня ситуация лиц с ограниченными возможностями? Как изменились общественные установки по отношению к ним? Часто ли дело доходит до актов дискриминации?

— Наверняка мы находимся сейчас совсем в другом положении, чем десять или двадцать лет назад, но, само собой разумеется, достигнутая ныне ситуация всё еще далека от идеальной. Когда мы с Мартином два десятилетия назад сидели в инвалидных креслах, то сами наблюдали, как ситуация в нашей стране меняется в лучшую сторону, так что в настоящий момент исключение лиц с ограниченными возможностями из общественной жизни происходит на совершенно ином уровне, нежели это имело место ранее, — я имею в виду доступ к образованию, возможности трудоустройства, наличие определенных гражданских свобод. И как раз деятельность Мартина очень поспособствовала тому, что ныне мы понимаем ограниченность возможностей гораздо лучше и знаем, в чем состоят некоторые сегодняшние ограничения для функционирования тех, кому эта ограниченность знакома не понаслышке. Разумеется, чтобы эта ситуация продолжала непрерывно улучшаться, по-прежнему нужно решать большие и сложные проблемы, стоящие не только перед нами, но и перед многочисленными организациями, в частности, перед обществом «Никогда больше» и Обществом друзей интеграции. Несомненно, нам следует честно сказать самим себе, что, если речь идет о функционировании

людей с ограниченными возможностями, то мы живем сейчас в совершенно другой стране, однако дискриминация — быть может, не столь заметная, как несколько лет назад, — всё еще существует. (...)

Михал Фридрих
ЧЕЛОВЕК РЕНЕССАНСА НА ТРОПЕ ВОИНА...

Поиск людей, которые могли бы заменить Тадеуша Ружевица, Станислава Баранчака, Марека Новаковского, Габриэля Гарсиа Маркеса, Игоря Митора, Нину Андрич, Пита Сигера, Яна Бияка, Ричарда Аттенборо или Робина Уильямса — труд тщетный и ничем не обоснованный. Столь же тщетными и необоснованными были бы попытки искать продолжателя/преемника Мартина Корнака, чей преждевременный уход наполнил печалью не только его близких, но многих думающих восприимчивых людей из самых разных кругов. Думающих и восприимчивых, потому что именно им адресовалось послание автора «Коричневой книги», потому что только они были в состоянии понять те идеи и ценности, которыми Мартин руководствовался в своей деятельности. Мартин Корнак. Поэт. Текстовик. Антифашист. Активный участник движения, борющегося за права людей с ограниченными возможностями. Публицист. Выдающийся знаток и коллекционер альтернативной музыки. Это множество его воплощений позволяет думать о Мартине как о современном человеке Ренессанса. Однако, чтобы иметь возможность хотя бы частично охарактеризовать его, к вышеупомянутому страстному увлечению Мартина нужно присовокупить еще одно, весьма знаменательное для него качество. Речь идет о мужестве.

Добрый наш Бог окрест
Он охраняет шаги по этой стежке-дорожке
Мягко ступаю и не ощущаю страха
На тропе воина — там, где я нахожусь (...).

Дойтер Это текст М. Корнака ко второму треку панк-альбома «Дойтер» (1988) польской группы «Дезертир», опирающегося на произведения прославленного немецкого инструменталиста Георга Дойтера.

Хотя, по мнению Мартина Корнака, антифашизм и антинацизм были (...и остаются! ведь его дело живо — мы же не перестанем действовать) максимально дистанцированы от насилия, реваншизма и уличных столкновений, в его личности именно мужество составляло (простите, составляет — как сложно использовать применительно к Мартину формы прошедшего времени) доминирующую черту. Он не только без всяких колебаний публично клеймил всяческие проявления расизма, а также других позорных фобий и иррационализмов, но и с абсолютной бескомпромиссностью обращался к самым разнообразным сферам общества с призывом активно выступать против проявлений ненависти, предубеждений или насилия. И каждый раз Мартин, призывая людей действовать, ставил перед ними конкретные задачи и выдвигал четкие требования, ничуть не испытывая при этом разочарования ни из-за бюрократической машины, парализующей наши институты и учреждения, ни из-за пренебрежительного отношения политиков и средств информации к хорошо известным проблемам, ни из-за жалких угроз со стороны крайне правых сил, которые как не умели, так и не умеют бороться честно и достойно. «Тропа воина», по которой двигался Мартин, была тропой, идущей сразу во многих направлениях, причем тропой весьма опасной. В 90-х, когда избиения из расовых и националистических побуждений были чем-то вполне обыденным и повседневным — а в том десятилетии случилось и несколько десятков убийств на этой почве, — от антифашиста требовались именно мужество и огромная решимость. Как раз эти — и многие другие — качества помогали Мартину преодолевать границы между всевозможными идейными, культурными и религиозными группировками в его борьбе со всем, что порождает предубеждения и ненависть. Мартин Иден Литературный псевдоним М. Корнака. сам перешагивал через самые разные барьеры; умел разговаривать и с анархистами, и с приверженцами радикальных левых мировоззрений, и с политиками (в том числе придерживающимися консервативных взглядов), и с католической Церковью, равно как и с представителями других религий, а также с писателями и публицистами, творцами из самых разных сфер искусства, спортсменами. Размещенный на обложках журнала «Никогда больше» лозунг «Если ты не с нами — это еще не плохо, плохо — если ты с ними», одним из создателей которого был Мартин, находил свое воплощение во многих сферах. Добиваясь толерантности, пропагандируя позитивный подход ко всему, что непривычно или отлично от «нормы», Мартин сам служил примером плюралистического подхода к самым разным взглядам, культурам, вероисповеданиям, склонностям, вкусам или пристрастиям. (...)

Катажина Скупец
СИЛА МУЗЫКИ

Замысел был простым... Всё началось с опубликованного в журнале «Нигды венцей» обращения к музыкантам, призывающего их включиться в движение против расизма. Из-за нарастающих проявлений расовой

нетерпимости такие действия в нашей стране уже предпринимались. На сей раз речь шла, однако, о необходимости «объединиться в борьбе с расизмом». Вместе всегда легче — этот принцип известен каждому. Шел 1997 год, и, как оказалось, потребность в антирасистских действиях была, прямо скажем, огромной. (...) Черно-белая ладонь — символ толерантности. Этот логотип кампании «Музыка против расизма» очень скоро стал значимым символом протеста против расовых предрассудков. Черно-белую картинку запроектировал быдгощский график Рафал Жицимский. Это был один из тех логотипов, которые западают в память уже через несколько мгновений, — знак, который виднеется на майках, дисках, баннерах, наклейках и нашивках. (...) С самого начала этой кампании росло количество групп, которые ее поддерживали. Играть против расизма хотело множество музыкантов всех жанров и стилей. А черно-белая ладонь стала великолепным предложением, чтобы разговаривать об антирасизме. (...) Поскольку интерес к этому проекту был огромный, было принято решение издать альбом с произведениями тех коллективов, которые к этому моменту поддержали акцию. Получилось 19 треков. Сборный альбом «Музыка против расизма» вышел в 1998 году. (...)

Петр Пилюк

КОНТАКТЫ МАРТИНА КОРНАКА С ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

(...) Мартин был человеком весьма доброжелательным и дружелюбно настроенным по отношению к людям. Несмотря на сложности, обусловленные собственными ограниченными возможностями, его многосторонние и вместе с тем эффективные действия заслуживают самого высокого признания. Безусловно, Мартин Корнак был выдающейся личностью и индивидуальностью, а потому заменить его попросту невозможно. Однако он собрал вокруг себя тесный круг по-настоящему увлеченных людей, которые будут продолжать его дело, высоко ценя уровень и значимость его многолетних действий по мониторингу и описанию таких явлений, как расизм и ксенофобия. По моим ощущениям, труды и достижения Мартина обладают огромной ценностью для всех наших граждан, для польского общества в целом. Почему? Потому что он спокойно и взвешенно обращал наше внимание на то, что к другому человеку надо относиться с уважением — невзирая на его происхождение, вероисповедание, взгляды и прочие качества. 25 марта 2014 г. во время похорон Мартина Корнака я попрощался с ним от имени всей нашей организации — «Общественно-культурного объединения евреев Польши». Это был очень грустный момент, но у нас была крупица надежды. Ведь люди, сотрудничавшие с Мартином, решили, что обязательно продолжат его работу.

Витольд Лилиенталь

МИР ДУМАЛ, ЧТО НИКОГДА БОЛЬШЕ...

(...) Общество «Никогда больше» является открытым и действует в Польше легально, но можно себе вообразить, сколько у него заклятых врагов среди так называемых настоящих поляков. В условиях новейших политических событий в Польше эта организация сталкивается с еще более значительными и трудными вызовами, чем раньше. По всей Европе катится сильная волна национализма, которая в каждой стране подпитывается местными националистами, запугивающими народ беженцами из других стран. В Польше лозунги типа «Польша для поляков», провозглашаемые на маршах правых организаций, становятся популистскими и одобряются определенными слоями общества. Недавние террористические акты в Париже наверняка лишь укрепят стереотип, позволяющий отождествлять беженцев-мигрантов, которые спасаются от террора, с самими террористами. И тут же недавно пришедшие к власти польские политики стали говорить о «невозможности справиться с согласованными обязательствами по приему беженцев». Организацию «Никогда больше» ждет многократный рост как объема работ, так и сложности стоящих перед ней задач. Но я верю, что когда-нибудь в будущем благодаря усилиям этого общества, благодаря достойной позиции его членов, которая нередко требует от них подлинного мужества, благодаря последовательному выявлению и опубликованию того, что необходимо заклеить, а также в ничуть не меньшей степени — благодаря выпускаемой им разумной образовательно-просветительской литературе число инцидентов, вызванных расизмом и ксенофобией, значительно уменьшится, а терпимое отношение к инаковости пробьет себе дорогу и дойдет даже до тех, кто сегодня повторяет заученные лозунги, потому что не понимает, где правда. Ведь всякая ксенофобия берет свое начало в неведении. (...)

В специальном номере журнала «Нигды венцей» помимо воспоминаний и других материалов о Мартине Корнаке опубликован ряд очерков и эссе, посвященных проблемам антисемитизма, нетерпимости и ксенофобии. Среди

них особый интерес вызывает статья культуролога, феминистки, общественной деятельницы, писательницы и лауреата нескольких литературных премий Сильвии Хутник.

Сильвия Хутник **МОИ «НАИМОЙШИЕ»**

В нашей ментальности нет места компромиссу. Абсолютно всё мы ставим на лезвие ножа: ты или я. У нас всегда кто-нибудь должен выиграть, а кому-то придется стать жертвой. Все эти войны, восстания и чувство перманентной и неослабевающей угрозы, исходящей от русских, немцев, евреев и инопланетян, уже сделали нам из мозгов какую-то мелко порубленную солому. Неизвестно, о чем идет спор, но на всякий случай мы поубиваем друг друга выдранными из заборов кольями. Мы ведь не согласны!

Окопавшись на левом или правом флангах и пребывая хоть в разнузданном разгуле, хоть в суровом воздержании, мы становимся предсказуемыми и скучными. Словно бы кто-то раздал нам сценарии, где каждая из сторон говорит то, что должна. Мы не умеем слушать, у нас нет потребности слушать, если кто-то кого-то готов выслушать, мы воспринимаем это как доказательство слабости и «отсутствия твердых взглядов». Да и вообще — кто слушает, тот против нас.

Взаимные обвинения перемалываются то так, то эдак, но нам не дано умение признать, что и ты немножко прав, и я тоже немножко прав. Вместо этого мы считаем себя наиумнейшими и наилучшими в мире. Не знаю, почему каждая инаковость вызывает в нас очень сильный страх, а временами прямо-таки настоящую враждебность. То обстоятельство, что кто-то решил жить иначе, чем мы, трактуется как личное покушение на нашу идентичность. Иным, то есть чужаком и врагом, может стать каждый, кто любит, одевается или ведет себя иначе, чем мы. Кто родился с иным цветом кожи либо верит в иного Бога. И вот что любопытно: нам нравится принаряжать наши предубеждения в якобы объективные аргументы. Если таковых не окажется или же они звучат не настолько логично, как нам поначалу казалось, то мы прибегаем к насилию. А в конце: «Моя правота мое, чем твое, потому что моя правота — самая наимойшая».

Я невольно задумываюсь, сколько же непримиримости и фрустрации скопилось в тех, кто столь громогласно выражает свои возражения против «патологии» негетеросексуальных союзов, некатолической религии или непольского происхождения. Они способны нападать на людей, унижать их или запугивать только по той причине, что те не похожи на них. И думают не так, как они. Причем сами они используют в качестве подпорок для своих убеждений некие возвышенные идеи потому, что должны же они чем-то легитимировать свой гнев. И тем самым во имя мнимого патриотизма или заботы о своей семье они лишают права на жизнь тех, кто не укладывается в их определение нормальности. Определение запутанное и сомнительное. Ведь никто так и не знает до конца, что за ним скрывается. Норму устанавливает большинство или это решает закон? А может быть, мировоззрение формируется нашей моралью, впечатлительностью или ценностями? Неизвестно, что именно должно свидетельствовать о том, что мы ведем себя и живем в соответствии с общественными или культурными кодами. Однако прежде всего неизвестно, почему мы должны это делать, и кто имеет право осуществлять контроль и надзор.

Одни говорят, что Бог, — но какой именно, и что делать с атеистами?

Вторые говорят, что честь, — но она ведь так же относительна, как и норма.

Третьи говорят, что отечество, — но не является ли подобная персонификация идеи слишком рискованным замыслом, имеющим целью отождествить человеческие потребности с абстрактным бытием?

Любой из нас в любую минуту может стать для окружающих иным, то есть лицом, отличающимся от остального общества. В результате несчастного случая или болезни мы можем потерять здоровье, а наше тело может утратить нормативность. Мы можем влюбиться в человека того же пола, что мы, или же в кого-то, кто принадлежит к иной культуре. Можем сменить вероисповедание или вообще отвергнуть любые религии. Можем, наконец, принять такие решения, которые осуждаются в нашем кругу. В любом подобном случае мы станем Теми, Кто Не Такой. Но кто же будет тогда большинством, и где применительно к нему окажемся мы сами?

У меня вызывает омерзение все более невыносимый тон раздающихся со всех сторон заявлений. Некие явленные нам опасные истины, обязательные для усвоения и соблюдения каждым. И та «нормальность», которой никто не видел, но все на нее ссылаются. Я ловлю себя на том, что и сама начинаю очень уж властно думать о других, руководствуясь при этом одним из наиболее постыдных аргументов: «потому что я». Потому что я так думаю, потому что я так считаю. Как будто это кого-то волнует.

До удивления жестокими видятся мне подобные советы и наставления. Они исходят от людей, которые убеждены в своей правоте, заявляя, что у животных нет чувств, что детей можно бить, нужно только «уважать их достоинство», что мужчина не может превратиться в женщину, поскольку это не согласуется с биологией. Что беременность, возникшую в результате изнасилования, необходимо доносить, что оплодотворение in vitro, т. е. в лабораторных условиях вне организма, означает появление «ребенка из пробирки» или что нормальная семья — это парень и девушка. Потому что эти люди так думают.

На разный манер перемалываются какие-то золотые мысли, причем не в форме аргумента в дискуссии, а в качестве не терпящей возражений аксиомы, которая должна заткнуть нам рты. И послужить штемпелем,

окончательно припечатывающим факт их превосходства над нами, какого-то самонадеянного и спесивого чувства обладания известной лишь им, единственно верной истиной. И вот они цедят эти явленные им истины, лайкают в сети чудовищно вздорные утверждения, которые конструируются так, чтобы порождать серьезные разногласия. А заодно на этом делают карьеру люди, которые на самом деле невообразимые фанфароны и пустозвоны, а также эксперты по всему на свете. Моральные опознаватели и указатели истины — во имя Бога, Природы и Совести.

Эти их поучения, агрессивный тон, умничанье... Для многих людей, которые не хотят вести дебаты и дискуссии таким способом, этот не терпящий возражений современный стиль оказывается чрезвычайно трудным. До такой степени, что становится попросту причиной их отхода от политики или общественной деятельности, поскольку они не в состоянии вынести столь бурного потока агрессии и нетерпимости. Ведь не каждый из нас наделен темпераментом, позволяющим безжалостно унижать оппонентов. И это очень хорошо.

На протяжении длительного времени я создавала собственное определение нормальности, но каждый раз обнаруживала, что отнюдь не все смогли бы найти в ней место для себя. В итоге я подумала, что ни для чего путного оно мне не пригодится, так как во многих ситуациях и среди многих моих знакомых ее попросту нельзя будет применить. Вместо этого я стала пользоваться такими формулировками, как спокойствие или открытость к инаковости. Начала искать компромиссы, хотя мне самой тоже то и дело с поразительной легкостью приходят в голову негативные оценки всех тех, кто отличается от меня. Я открыла для себя, что это большой труд: стараться понять разнообразие, и что отнюдь не каждый готов интенсивно потрудиться ради этого. Знаю, подобное утверждение звучит азбучным трюизмом, но пока не проверишь на себе какие-то вроде бы затасканные механизмы, тебе не осознать в полной мере все тонкости. Быть может, это очень по-человечески — искать короткие обходные пути и спрямлять сложные маршруты, но в истории слишком часто закрытость ума и упорное окапывание на своих позициях вели к унижениям и агрессии. Как психической, так и физической.

Отдавая себе отчет в подобных опасностях, хорошо было бы отказаться от желания против воли втискивать кого бы то ни было в рамки наших ожиданий. Так, чтобы все эти «наимойшие» мнения или решения не вели к конфликтам и насилию.

Подготовила Элиза Вольская

2: Хроника (некоторых) текущих событий

- В своем послании в связи с Днем независимости 11 ноября президент Республики Польша Анджей Дуда призвал: «Будем же праздновать вместе, независимо от того, кто в какой процессии идет и каких взглядов придерживается. Отметим праздник в согласии, доказав тем самым, что мы как народ смогли оказаться выше ненужных разногласий и расколов». («Супер-экспресс», 12-13 нояб.)
- «Только мы действительно всерьез относимся к такой важной задаче, как повышение уровня жизни простых польских семей. (...) Мы твердо убеждены в наличии в Польше демократической системы разделения властей, где парламент олицетворяет собой закон, который обязаны соблюдать абсолютно все — в том числе и судьи Конституционного суда. (...) Всегда есть люди, разделяющие другие взгляды и поддерживающие нынешнюю оппозицию — таковы права, предоставляемые демократией. И тот факт, что оппозиция всячески пользуется этими правами и одновременно поднимает крик об отсутствии в Польше демократии, не вызывает ничего, кроме улыбки. (...) Определенные группы влияния боятся потерять свои привилегии. А мы должны говорить людям правду и делать свое дело», — президент Польши Анджей Дуда. («вСети», 24-30 окт.)
- «На торжественном открытии учебного года в торуньской академии о. Рыдзыка министр обороны Антоний Мацеревич заявил, что огромный успех Польши “был бы в принципе невозможен, если бы не взлет политической мысли, стратегическое планирование и безоговорочная победа коалиции, возглавляемой Ярославом Качинским. Именно здесь кроется источник этой грандиозной геополитической перемены, и хотя выгоды такого положения дел в первую очередь касаются польского народа и государства, в перспективе это изменит весь мир”». (Людвик Дорн, «Политика», 26 окт. — 1 нояб.)
- «В первые десять месяцев этого года среднее вознаграждение в частном секторе составило 4 234 злотых, что на 5% больше, чем в аналогичный период прошлого года. (...) В будущем году средний заработок вырастет, в частности, благодаря повышению ставки минимальной оплаты труда. С января она будет составлять 2 тыс. злотых, что на 8,1% выше, чем в прошлом году». (Януш К. Ковальский, «Дзенник газета правна», 3 нояб.)
- «Растет оптимизм предпринимателей и потребителей по всей Европе. Его основной показатель — индекс ESI, публикуемый Европейской комиссией, — в октябре на территории ЕС достиг 106,8 единиц (в сентябре он составлял 105,5 единиц). (...) В Польше индекс ESI впервые опередил показатели февраля 2011 г., когда он составлял в нашей стране 101,5 единиц по отношению к 101,2 единиц в сентябре 2010 года». («Жечпосполита», 31 окт. — 1 нояб.)

- «Человек, оказавшийся без работы, имеет право на пособие по безработице в размере 831,10 злотых, назначаемое на срок, не превышающий одного года. (...) Когда же этот срок пройдет, гражданин может претендовать на другое пособие, связанное с безработицей. (...) Так называемые “профессиональные безработные” — это самый настоящий кошмар работников служб занятости. “Когда безработному предлагают работу за самую низкую зарплату в стране, он смеется им в лицо. Он знает, что благодаря разнообразным пособиям (в связи с безработицей, на детей, на жилье, для недееспособных, в связи с борьбой с алкоголизмом и наркоманией, а также в связи с насилием в семье) он может получать на руки до 3 тыс. злотых”, — говорит Ежи Кендзёра, руководитель управления по трудоустройству в Хожуве. (...) “В Польше есть гмины, где для трех четвертей жителей пособия являются основным источником дохода”, — комментирует Эва Флашинская, эксперт по вопросам социальной политики и директор Центра социальной поддержки в варшавском районе Беляны». (Иоанна Цвек, «Жечпосполита», 11 окт.)
- «Согласно результатам опроса, проведенного ЦИОМом, 56% поляков считают, что ПиС справляется с реализацией своих предвыборных обещаний. Противоположного мнения придерживаются 37% респондентов, еще 7% не смогли определиться с ответом. 67% избирателей ждут, когда ПиС выполнит одно из своих ключевых обещаний — снизит пенсионный возраст. 35% тех, кто на это рассчитывает, связывают снижение пенсионного возраста с состоянием государственного бюджета, а 34% полагают, что это произойдет независимо от стоимости данной реформы. Опрос от 17-25 августа». («Газета wyborcza», 11 окт.)
- Поддержка партий: «Право и справедливость» — 30,2%, «Современная» — 20,1%, «Гражданская платформа» — 16,7%, Кукиз'15 — 8,9%, Коалиция левых сил — 5,7%, крестьянская партия ПСЛ — 5,1%. Опрос Института рыночных и общественных исследований от 21-22 октября. («Жечпосполита», 25 окт.)
- «Биржевые компании Государственного казначейства в течение последних полутора лет потеряли одну треть своей стоимости». «Потери на бирже свидетельствуют об утрате доверия инвесторов к польским акциям, — говорит Себастьян Бучек из Ассоциации инвестиционных фондов “Quercus”. (...) — Мы проверили, какое влияние на биржевые котировки оказывает политика, а также присутствие государства в составе акционеров. (...) Оказалось, что контролируемые Государственным казначейством фирмы потеряли в среднем одну треть своей стоимости (это 94 млрд злотых). Частные фирмы потеряли значительно меньше — 21%”. (...) По мнению эксперта в области менеджмента, проф. Кшиштофа Обля, инвесторы избегают государственных компаний, поскольку не располагают надежными данными о том, какую политику будет проводить правительство, и как это скажется на состоянии этих фирм. А постоянная смена руководства биржевых компаний только усиливает неуверенность. Кроме того, правления компаний, будучи не в состоянии прогнозировать политику государства, откладывают принятие решений». (Петр Чапчинский, «Жечпосполита», 3 нояб.)
- «Составляемый компанией “IH S Markit” Индекс деловой активности PMI, отображающий конъюнктуру в обрабатывающей промышленности (...), снизился с 52,2 пунктов в сентябре до 50,2 пунктов в октябре. (...) В Германии (...) он вырос до 55 пунктов. (...) В Чехии индекс PMI вырос в октябре до самой высокой за последние пять месяцев отметки в 53,3 пункта». (Гжегож Семенчик, «Жечпосполита», 3 нояб.)
- «Данные относительно конъюнктуры рынка в сентябре, которые в среду опубликовало Главное статистическое управление (ГСУ), показывают, что в третьем квартале рост ВВП замедлился даже по сравнению с разочаровавшим экономистов первым полугодием, когда экономика росла в темпе 3-3,1%. (...) Среднемесячные показатели свидетельствуют, что в третьем квартале рост ВВП замедлился до 2,6-2,7% в год». («Жечпосполита», 20 окт.)
- «По данным ГСУ, оценки нынешней и будущей конъюнктуры среди потребителей в октябре проигрывают сентябрьским. Текущий показатель потребительского доверия, дающий обобщенную характеристику тенденций индивидуального потребления, снизился на 1,3 процентных пункта и составил 3,7». («Жечпосполита», 20 окт.)
- «Как сообщает Бюро инвестиций и экономических циклов, индекс благосостояния, отражающий уровень жизни поляков, в октябре снизился на 0,3 пункта, причем уже второй раз подряд». («Жечпосполита», 20 окт.)
- «В современном обществе считается, что лучше обмануть государство, чем страховую компанию, банк или кредитора. Таковы результаты исследования “Финансовая этика поляков”, (...) выполненного по заказу Конференции предприятий финансовой отрасли совместно с “Big InfoMonitor”. (...) Самый большой процент утвердительных ответов пришелся на вопросы “Оправдываете ли вы наличный расчет без чека, позволяющий уклониться от уплаты НДС?” (33%) и “Оправдываете ли вы неофициальное трудоустройство в целях избежать взыскания долгов с заработной платы?”, то есть одновременный обман кредитора и налоговых органов (35,6%). (...) Для сравнения, совсем немногие (1,5%) оправдывают оформление кредита на чужой документ, удостоверяющий личность, влекущее причинение ущерба как владельцу документа, так и банку». (Мацей Бадовский, «Польска», 21-23 окт.)
- «Казимеж Турлинский (...) — один из 11 советников парламентской комиссии по расследованию аферы “Amber Gold”. (...) Он стал известен как автор книг “Как научиться красть”, (...) “Как легально не платить налоги”, а также “Как легально не возвращать долги”. (...) Кандидатура этого эксперта была предложена фракцией ПиС». (Виктор Ферфецкий, «Жечпосполита», 31 окт. — 1 нояб.)
- «Министерства, правительственные агентства и парламент за неполный год, прошедший с момента парламентских выборов, потратили на премии для своих сотрудников 71 млн злотых. Наверняка эта сумма в

действительности еще выше, поскольку некоторые ведомства скрывают свои расходы на поощрение сотрудников — это, в частности, МВД, МИД, министерства морского хозяйства, спорта, а также Канцелярия Сейма». («Факт», 25 окт.)

- «В первом полугодии 2016 г. государственный долг Польши вырос с 920 до 978 млрд злотых. (...) Долг огромен и при этом быстро растет. (...) Наш государственный долг составляет 5,2% ВВП, так что мы не только выполняем требования ЕС, но и входим в десятку стран Евросоюза с самым низким уровнем задолженности. (...) При нынешнем соотношении долга с ВВП банкротство нам не грозит, однако стабильность польских финансов внушает все большее беспокойство. (...) Постоянный рост задолженности, особенно когда она растет быстрее, чем ВВП (а соотношение долга с ВВП растет, и это продолжается в Польше уже 15 лет), ограничивает возможности экономического развития на долгосрочную перспективу. Рано или поздно это может привести к серьезным финансовым встряскам, а в будущем теоретически и к угрозе банкротства, особенно если к нашим внутренним проблемам прибавятся проблемы глобального характера. Так что мы находимся на пути, который, без сомнения, ведет нас к пропасти. И то, что край этой пропасти еще далеко, не должно нас успокаивать». (Витольд М. Орловский, «Политика», 12-18 окт.)

- «Правительство планирует, что в будущем году дефицит государственных финансов составит 3%. (...) Темп роста польской экономики составляет около 3% ВВП. Так что наш экономический фундамент сегодня явно слабее, чем раньше, когда этот показатель составлял 4,5-5%», — Анджей Жоньца, председатель Ассоциации польских экономистов. («Уважаю же», ноябрь 2016)

- «Польша полностью освоила денежные средства ЕС в размере 57,2 млрд евро, выделенные на 2007-2013 гг., говорится в отчете, представленном Европейской комиссией. (...) Из нового предназначенного для нас фонда, составляющего 78 млрд евро и рассчитанного на 2014-2020 гг., в Польшу пока не поступило ни одного евро, поскольку организационно мы все еще к этому не готовы». («Жечпосполита», 10 окт.)

- «Китайское рейтинговое агентство “Dagong” продолжает удерживать рейтинг Польши в иностранной валюте на уровне “А-” и в национальной валюте на уровне “А” со стабильной перспективой в обоих случаях. “Dagong” объясняет это сохранением политической стабильности в Польше, хотя неуверенность в отношении принимаемых политических решений растет». («Газета wyborcza», 15-16 окт.)

- «Минимальная ставка нового налога, объединившего в себе налог на доходы физических лиц, взносы в Управление социального страхования и Национальный фонд здравоохранения, составит 19,5%, а максимальная — около 40%, сообщил Генрик Ковальчик, министр, курирующий налоговую реформу. Всего ставок будет 4 или 5». (Александр Тарка, «Жечпосполита», 17 окт.)

- «Введение плоского налога привело к тому, что его начал платить все более широкий круг налогоплательщиков. Налоговая ставка была настолько привлекательной, что уклоняться от уплаты налога было просто невыгодно. (...) Введение прогрессивного налогообложения вместе с ростом других государственно-правовых обязательств приведет к массовому бегству налогоплательщиков. Если мы сравним ставки налога в разных странах Вишеградской группы (разница колеблется от 15 до 25%), и посмотрим, где больше послаблений в области расчета налогов (...) и вообще более либеральная налоговая система, то станет понятно, почему так много польских фирм зарегистрировано в Чехии и Словакии», — Адам Марианский, профессор Лодзинского университета, адвокат и налоговый консультант. («Жечпосполита», 17 окт.)

- «Достаточно погуглить, чтобы увидеть, как выросло в последнее время количество запросов по теме “фирма в Чехии”. (...) Идея увеличить налогообложение предпринимателей на 100% — это безумие. (...) Теперь придется увеличивать пенсионный возраст. Другой возможности нет. Достаточно ознакомиться с демографическими данными. Невозможно, чтобы сокращающееся количество работников содержало (...) всё более растущее количество пенсионеров. (...) Да, сейчас мы еще живем в условиях экономического роста, только проблема в том, что этот самый экономический рост постепенно замедляется, а если взвалить на предпринимателей дополнительное налоговое бремя, он замедлится еще сильнее», — Роберт Гвяздовский, эксперт по вопросам налогообложения Центра им. Адама Смиа. («Польска», 21-23 окт.)

- «Богачи могут позволить себе перенести свою деятельность в другую страну, где налоги существенно ниже. А вот тем, кто зарабатывает, к примеру, 120 тыс. злотых в год, менять место постановки на налоговый учет невыгодно. Именно на них и лягут основные расходы в связи с отменой 19% налога на доходы физических лиц», — Беата Худзяк, налоговый консультант. («Жечпосполита», 17 окт.)

- «Таким образом, нам необходимо вернуться к восьмилетней начальной школе. (...) Зачем нам возрождать старую, неработоспособную систему образования, сохранившуюся в основном (в разных вариантах) в России, Белоруссии и на Украине? (...) Я задаюсь вопросом: как в демократической стране возможна реформа, которая противоречит здравому смыслу и разрушает жизни сотен тысяч людей?», — Витольд Бобинский, профессор краковского Ягеллонского университета, бывший эксперт министерства национального образования, сотрудник Института образовательных исследований. («Газета wyborcza», 13 окт.)

- «По данным “Higher Education Statistics Agency”, (...) в Великобритании учится около 5,5 тыс. поляков. В их число входят студенты всех уровней, но только те, кто учится на постоянной основе; студентов, приехавших в Великобританию в рамках обмена, данная статистика не учитывает. (...) Поляки учатся практически во всех вузах Великобритании. (...) Одним из первых решений вице-премьера и министра науки Ярослава Говина стала

- приостановка программы «Учеба для самых лучших», принятой коалицией «Гражданской платформы» и крестьянской партии ПСЛ. Этот проект предусматривал государственную финансовую поддержку поляков, желающих учиться в лучших университетах мира». (Матеуш Маззини, «Пшеглэнд», 10-16 окт.)
- «По официальным данным, в Великобритании проживают несколько сотен тысяч поляков, однако в действительности их количество оценивается в 2,5 миллиона. (...) Преступность среди иммигрантов в Великобритании за последние годы выросла на 40%, при этом поляки лидируют среди осужденных за различные правонарушения. Бюро уполномоченного польской полиции получает сотни запросов от британских и польских органов внутренних дел. (...) В Бюро уполномоченного польской полиции делегируются два-три сотрудника. Теперь личный состав бюро будет увеличен». (Гражина Завадка, «Жечпосполита», 7 нояб.)
 - «Налоговая реформа, реформа здравоохранения, план ответственного развития, реформа горной промышленности, изменения в энергетической политике и радикальный поворот в области возобновляемой энергии, переориентация в международной политике, запуск гигантских социальных программ, абсолютно новая программа реорганизации армии, но в первую очередь — снижение пенсионного возраста и реформа образования. Демонтаж государственной гражданской службы и глобальная революция в органах правосудия, вызывающая у многих нешуточную тревогу. Всё сразу, одновременно. (...) Кто заплатит за эти масштабные реформы? (...) Выдержит ли Польша такой радикальный эксперимент, предусматривающий перемены во всех сферах?». (Марек Тейхман, «Дзенник газета правна», 24 окт.)
 - «Правление контролируемого государством Почтового банка в субботу пригласило своих сотрудников в базилику Пресвятой Богородицы Лихенской на мессу за здоровье руководства и коллектива банка. (...) Ежемесячные богослужения заказывает также правление Польской фабрики ценных бумаг». («Газета wyborcza», 2 нояб.)
 - «Католичество нынешних властей предержащих ограничивается внешними декларациями и имеет очень мало общего с реальным воплощением в жизнь христианских принципов. В то же время такие действия властей, как финансовая поддержка “Радио Мария”, больше похожи на возврат долга. Их суть можно выразить так: “Вы помогли нам выиграть выборы, теперь мы поможем вам деньгами, только давайте не надо впутывать в это христианство”». (Блажей Стшельчик, «Тыгодник повсехный», 23 окт.)
 - «Меня совершенно не удивляет, что ПиС отклонило в Сейме законопроект о противодействии риторике ненависти, подготовленный фракцией “Современной”», — Марек Бейлин. («Газета wyborcza», 23 окт.)
 - «Вербальное насилие и хамство носят преднамеренный характер. С их помощью нас пытаются запугать, лишить воли к борьбе, заставить поверить, что все шито-крыто. Что не нужно бороться с ПиС, поскольку правящая партия очень сильна, и с ее всевластием ничего нельзя сделать. (...) Вместо того чтобы украшать и обустривать нашу страну, мы отбрасываем сами себя в прошлое, в 80-е годы, и снова боремся за элементарное соблюдение законности. (...) Почему я должна выходить на демонстрации, как наши соотечественники 30 лет тому назад? (...) Это безумие, которое навязывает Польше Качинский. (...) Когда Ярослава Качинского попросили высказаться об Иоанне Клузик-Ростковской и еще одной ее коллеге по Сейму после их исключения из фракции ПиС, он ответил: “Не спрашивайте меня о цвете моих ботинок, это совершенно неважно”», — Камила Гасюк-Пихович, юрист, депутат от “Современной”. («Газета wyborcza», 29-30 окт.)
 - «“Никогда не перестану поражаться, сколько злой воли у этих людей. Моего отца лишили правительственной охраны во время его зарубежной поездки”, — написал в среду в социальных сетях депутат Европарламента Ярослав Валенса. Бюро правительственной охраны подтвердило, что не будет больше охранять бывших президентов в ходе их зарубежных поездок. (...) “Это просто какое-то польское ноу-хау, — возмущается Александр Квасневский. — А вообще-то это обычное политическое сведение счетов”». («Жечпосполита», 14 окт.)
 - «Режим личной власти лидера партии, располагающей большинством в парламенте и лояльным президентом, стал свершившимся фактом», — проф. Антоний Дудек, политолог из Университета им. кардинала Стефана Вышинского. («Газета wyborcza», 10 окт.)
 - «Создание организационных основ для формирования войск территориальной обороны с самого начала было связано с работой созданного специально для этих целей Бюро по вопросам территориальной обороны, которое со временем будет преобразовано в Командование территориальной обороны при Министерстве национальной обороны. (...) Официальной причиной создания этой структуры стали политико-экономические перемены, происходящие в мире в последние годы. (...) Представляется, однако, что есть и другие причины — сугубо политического характера. (...) Можно также открыто признать, что благодаря такому шагу власть получает “мощного союзника” / “структуру поддержки” в реализации своих дальнейших политических и социально-экономических планов». (Марек Домбровский, «Нова техника войскова», окт. 2016)
 - «Командование войсками территориальной обороны не будет входить в систему командования вооруженными силами Польши, подчиняясь только Антонию Мацеревичу. (...) Есть, к примеру, такая структура, как иранские “стражи исламской революции” — не входящие в состав регулярной армии добровольческие отряды, охраняющие не только безопасность страны, но и достижения исламской революции. (...) К этому стремится Польша?». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 5-6 нояб.)
 - «Польское правительство все больше уходит из-под контроля парламента, судов и неправительственных

организаций. В этом смысле ситуация у нас хуже, чем в Румынии, Чили и даже Коста-Рике. Таков один из главных выводов, которые можно сделать благодаря свежему выпуску престижного рейтинга “Rule of Law Index”, показывающего, как соблюдается режим законности в 113 странах мира. В этом году Польша заняла 22-е место в общем списке (опустившись на одну позицию по сравнению с прошлым годом) и только 15-е место среди стран Западной и Центральной Европы». (Эмилия Свентоховская, «Дзенник газета правна», 24 окт.)

- «Никаких винтовок, никакого авторитаризма, только дезорганизация и хаос. Ослабление государственного единства, и без того не слишком крепкого. Конечно, кому-то достанется на орехи, не без этого. (...) Беспомощность этого государства, его аморфная структура, живущая своей жизнью, бесформенное “нечто” способно нейтрализовать лихорадочные действия любой правительственной команды. (...) Проголосовать в парламенте можно за все, что угодно, однако правоприменение предусматривает использование соответствующих рычагов власти. И как это выглядит на деле? (...) Что слышит польский политик, став премьером или министром? Он слышит слово “нельзя”. (...) Государство в Польше работает не как единый организм, а как совокупность самостоятельных структур, при этом каждое звено вытворяет, что хочет. (...) Одно ведомство не взаимодействует с другим. Одно учреждение не желает общаться с другим, хотя их компетенции соприкасаются, и они должны согласовывать свои действия. В рамках одной и той же структуры один кабинет не делится информацией с другим. И это происходит на всех уровнях. (...) Дотянут до выборов и проиграют. И придется еще постараться, чтобы за ними прибраться», — Людвик Дорн, социолог, бывший вице-премьер, министр внутренних дел и маршал Сейма. («Газета wyborcza», 5-6 нояб.)
- «В Польше правит не ПиС. Правит народ, а ПиС находится у него в заложниках. (...) Таблоиды пишут о том, что у народа в головах, а у немалой части народа в головах то, о чем пишут таблоиды. Польский народ — так мне кажется — не любит свободу. (...) Польский народ любит независимость и самостоятельность. (...) Независимость, самостоятельность и свобода — это разные вещи. Независимость — это коллективная свобода, (...) носящая символический характер, поскольку речь в данном случае идет о суверенитете народа и страны (...). И тогда человек чувствует, что он волен наблюдать военный парад по телевизору. (...) Польский народ очень не любит интеллигентское представление о свободе. Какая свобода мысли, слова, совести, вероисповедания? Для польского народа свобода заключается в том, чтобы иметь возможность поехать отдыхать в Египет или на Канары, (...) это свобода бытовая и рыночная, свобода работать в Англии, свобода ходить в церковь, а также почетная свобода пугать людей на улице лозунгом “Смерть врагам Родины”, намалеванным на черной футболке. (...) Интеллигенция хочет, чтобы судьи были независимы. А зачем им быть независимыми? Судья должен слушаться начальства. Какое еще разделение властей? Бред. (...) Свобода вероисповедания? Но ведь все поляки католики, так что кому она нужна, эта свобода вероисповедания, если у нас и так полная свобода вероисповедания для католиков?», — Стефан Хвин. («Газета wyborcza», 29-30 окт.)
- «Только за последнее время в Тригородском ландшафтном парке между Гдыней и Сопотом вырублено несколько тысяч деревьев. (...) В Сосновце на площади в черте города спилено 750 образцов древесных пород. В Познани парк, находящийся в районе Солач, за одну ночь лишился 196 деревьев, в том числе столетних. В Броднице — 40 деревьев. По данным вроцлавского Фонда экологического развития, за последние четыре года крупнейшие польские города лишились 800 тыс. деревьев. (...) За последнее время были вырублены почти все деревья на городских площадях Венцборка, Алверни, Бохни, Любачува, Скерневице и десятков других польских городов (...). На дрова пошли тысячи здоровых тополей, берез, лип, каштанов, можжевельников, тисов и елей — все ради того, чтобы освободить место для очередной гранитной коробки. (...) В муниципалитетах деревья воспринимаются в качестве постоянно дорожающей мороки — их ведь нужно поливать, подстригать, лечить и всячески о них заботиться. (...) Кроме того, в Польше на удивление много тех, кто относится к деревьям, как к личным врагам. (...) Ежи Столярчик, один из самых опытных польских арбористов, признается, что иногда люди спрашивают его, “как убить дерево”. (...) В Берлине у каждого городского дерева есть своя карта здоровья, хранящаяся в специальной картотеке; в этой карте указана дата посадки, состояние дерева, хроника всех повреждений. (...) Решение о необходимых мерах по уходу за деревом, а также о возможной вырубке принимается только специально сертифицированными органами архитектурного надзора». (Марта Сапала, «Политика», 2-7 нояб.)
- «Венецианская комиссия продолжает критиковать Польшу. По мнению европейских экспертов, ноябрьский закон о Конституционном суде по вине правительства и парламента по-прежнему не соответствует условиям, необходимым для равновесия ветвей власти в правовом государстве. Правительство заявило, что не намерено более сотрудничать с Венецианской комиссией». («Тыгодник повсехный», 23 окт.)
- «Джанни Букиккио, председатель Венецианской комиссии, заявил, что это первый случай, когда страна, состоящая в ЕС, отказывается сотрудничать с Комиссией». (Яцек Лизиневич, «Газета Польска цодзенне», 15-16 окт.)
- «Правительство Беаты Шидло направило официальный ответ относительно рекомендаций, которые в конце июля адресовала Варшаве Европейская комиссия. (...) “Мы не будем применять к системе польского правопорядка рекомендации, идущие вразрез с интересами польского государства и его граждан (...)”, — объясняла Шидло. (...) В своих рекомендациях Брюссель писал о необходимости соблюдать решения Конституционного суда (КС) от 3 и 9 декабря 2015 г., касающиеся выбора судей Конституционного суда. Также

Европейская комиссия рекомендовала обнародовать и исполнить решение КС от 9 марта, признавшее неконституционными изменения в законе о КС». (Зузанна Домбровская, Анна Словеская, «Жечпосполита», 28 окт.)

- «Вчера Сейм одобрил правительственный законопроект, согласно которому прокурор сможет отменять судебные решения. У него также появятся возможности приостановить судебный процесс, если дело будет идти к оправдательному приговору. (...) Также прокурор сможет останавливать уголовный процесс, чтобы “восполнить” материалы дела. И ему не придется просить для этого разрешения суда, сегодня — еще приходится. Кроме того, он получит возможность приостанавливать процесс неоднократно. Сторона защиты не сможет этому воспротивиться, сегодня — еще может. (...) Уполномоченный по правам граждан Адам Боднар направил маршалу Сейма свое заключение (...) о том, что данный законопроект нарушает право на судебную защиту, принципы равенства сторон, а также ограничивает полномочия суда, заставляя его выполнять волю прокурора». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 5-6 нояб.)
- «Правительство потихоньку ликвидирует систему самоуправления. Правительственная администрация перенимает множество задач и функций, к примеру, санитарный и строительный надзор, одновременно забирая себе миллионы злотых. Такая централизация нивелирует значение гмин». («Жечпосполита», 13 окт.)
- «Независимые ежедневные газеты и еженедельники лишились заказов на размещение объявлений от компаний с государственным участием. Многие государственные организации также отказались от подписки на газеты и журналы, критикующие политику Пис. “Газету wyborчу”, “Ньюсуик” и “Политику” убирают с видных мест на заправках государственной компании “Орлен” и в других пунктах продажи. (...) Заметны стали случаи автоцензуры в частных СМИ, формально пока еще не зависящих от лидеров процесса “перемен к лучшему”», — Ассоциация журналистов (фрагменты обращения “Подпишемся на независимые журналы”) («Газета wyborcza», 2 нояб.)
- «Хельсинский фонд по правам человека направил в Национальный совет по телевидению и радиовещанию жалобу в связи с материалами программы “Вядомости” ТВП, дискредитирующими неправительственные организации в глазах общественного мнения. Эти материалы демонстрировались с 24 по 31 октября 2016 года. (...) “Кампания, развернутая против неправительственных организаций, вредит общественному благу. (...) Указанные материалы самым недобросовестным образом освещают работу организаций, действующих в интересах всего общества и следящих за соблюдением властью прав человека и базовых демократических принципов”, — говорится в жалобе». («Газета wyborcza», 5-6 нояб.)
- «Министерство юстиции в среду объявило результаты конкурса на “разработку и внедрение программ медиа-подготовки для сотрудников судов и прокуратуры”. Победило учебное заведение о. Тадеуша Рыдзика — Высшая школа общественной и медийной культуры в Торуни. Школа участвовала в конкурсе с заявкой на сумму в 3 млн злотых». (Томаш Чехонский, «Газета wyborcza», 13 окт.)
- «Администрация Фейсбука удалила профили Марша независимости, “Всепольской молодежи”, Национально-радикального лагеря и Национального движения. Блокируются также личные профили некоторых активистов. (...) Фейсбук информирует, что профили удаляются на основании заявлений других пользователей. Заблокированные страницы нарушали регламент социальной сети, запрещающий, в частности, разжигание ненависти и нападки на других людей в связи с расой, национальностью либо сексуальной ориентацией». (Лукаш Возницкий, «Газета wyborcza», 2 нояб.)
- «Когда администрация Фейсбука узнала, что Марш независимости проводится в Польше легально, блокировка была снята». (Шимон Цыдзик, «Жечпосполита», 3 нояб.)
- 11 ноября, в день 98-й годовщины обретения Польшей суверенитета, в Марше независимости, организованном в столице националистами, участвовали 75 тыс. человек. Почетным гостем марша был Роберто Фиоре, основатель и лидер итальянской неонацистской партии “Forza Nuova” (“Новая сила”). Марш Комитета защиты демократии, организованный совместно с оппозиционными партиями — “Гражданской платформой”, “Современной”, Коалицией левых сил и “зелеными” — собрал около 10 тыс. человек. В антифашистском марше участвовали 900 человек. Данные о количестве участников уличных акций предоставлены Министерством внутренних дел и администрации. (По материалам «Газеты wyborczej», 12-13 нояб.)
- «Мы питали иллюзии, думая, что рационализм и нейтральная фактография в состоянии заменить живые процессы, происходящие в человеческой памяти. Мы забыли, что невозможно посадить на цепь всех демонов, которые таятся в любом обществе и время от времени просыпаются. Сейчас мы живем в такое время, когда все они пробудились. Более того, их разбудили умышленно», — проф. Войцех Буршта. («Пшеглэнд», 24-30 окт.)
- «Как утверждает Украинский институт национальной памяти, за последний год с небольшим в Польше было уничтожено 14 украинских захоронений и объектов, увековечивавших память воинов УПА. (...) Недавно вандалы разорили (и уже не в первый раз) памятник и могилу 13 солдат УПА на кладбище в деревне Верхрата Любашувского повята. (...) В надругательстве над захоронениями признался крайне правый “Лагерь великой Польши”, известный своим сотрудничеством с донецкими сепаратистами». («Политика», 19-25 окт.)
- Верховная Рада Украины приняла «Декларацию памяти и солидарности». «За принятие декларации высказались 243 депутата из 328. “Мы, представители Сейма Республики Польша, а также Верховной Рады Украины, принимаем эту Декларацию памяти и солидарности, чтобы почтить память миллионов жертв,

понесенных нашими народами во время Второй мировой войны, а также осудить внешних агрессоров, пытавшихся растоптать нашу независимость”, — написали авторы декларации. (...) В документе говорится и о современной ситуации: “Агрессивная внешняя политика Российской Федерации, оккупация Крыма, поддержка и проведение вооруженной интервенции на востоке Украины (...), проведение гибридной информационной войны создает угрозу для мира и безопасности всей Европы”. (...) Польский Сейм в четверг также одобрил декларацию. За ее принятие проголосовали 367 депутатов, против были 44, еще 14 воздержались», — Петр Андрусечко, Киев. («Газета wyborcza», 21 окт.)

- «В то время как польские фирмы трудоустраивают сотни тысяч работников с Востока, украинские, казахские и российские компании принимают на работу десятки менеджеров из Польши». «После того как схлынула первая волна, в этих странах осталась довольно большая группа поляков, которым нравится работать на Востоке. (...) У польских менеджеров на Востоке хорошая репутация, а на некоторых рынках, например, украинских — просто идеальная». (Анита Блащак, Руслан Шошин, «Жечпосполита», 24 окт.)

- «“Мы открываем новую страницу в истории польско-белорусских отношений, и для нас очень важно, чтобы они обрели новое измерение”, — заявил вице-премьер Матеуш Моравецкий в Минске после встречи с президентом Белоруссии Александром Лукашенко. (...) В июне заместитель Моравецкого вице-министр развития Радослав Домагальский присутствовал на экономическом форуме в Санкт-Петербурге, организованном под патронатом Путина. Ранее два года подряд правительство “Гражданской платформы” и крестьянской партии ПСЛ бойкотировало форум в знак протеста против агрессии России на Украине». (Анджей Кублик, «Газета wyborcza», 25 окт.)

- «Вдоль польско-белорусской границы кочует группа беженцев из Чечни, пытающихся спастись на Западе от режима чеченского царька Рамзана Кадырова. На границе с Украиной в подобной ситуации находится таджикская семья из восьми человек. Несмотря на старания польских активистов, польские власти делают все возможное, чтобы не впустить к нам этих людей, не позволяя им даже просить убежища или хотя бы начать процедуру проверки их ситуации. Власти ссылаются на формальные сложности и сами создают различные препятствия, полностью вписываясь тем самым в господствующий сегодня в политических верхах тренд, в соответствии с которым отказ во въезде в Польшу людям, пытающимся укрыться у нас от преследований, может обеспечить власти популярность у определенной части общества, боящейся иммигрантов». (Шимон Холоня, «Тыгодник повсехный», 10 окт.)

- «Я учительница, а там есть дети, нуждающиеся в помощи. О семьях, кочующих вдоль границы, я узнала от польских волонтеров, которые им помогают. Эти семьи живут на вокзале в Бресте с августа, потому что Польша их не пропускает. (...) Они спасаются от преследований, пыток, но Польша отвернулась от них. И теперь они сидят на вокзале, совершенно беспомощные. Дети смотрят на отчаявшихся отцов, у которых в глазах стоят слезы, на каменные лица своих матерей», — Марина Хуля. («Газета wyborcza», 28 окт.)

- «“Воздушных коридоров, по которым в Польшу должны прибыть самые нуждающиеся в помощи беженцы, в том числе из Сирии, пока не будет. Правительство проинформировало епископов, которые хотели создать такие коридоры при посредничестве благотворительной организации “Каритас”, что не может сейчас обеспечить беженцам безопасность (...)”, — рассказывает епископ Кшиштоф Задорко, делегат Епископата по вопросам иммигрантов. “Мне кажется, правительство делает все, чтобы эти коридоры так и не появились”, — комментирует один из иерархов». («Жечпосполита», 13 окт.)

- «“Мы не дали согласия ни на какие квоты и принудительное переселение беженцев. Никто не будет поездами привозить беженцев в Польшу”, — заявил президент Анджей Дуда во время саммита Вишеградской группы в Подкарпатье». «“Что должны сделать с беженцами польские власти? Запереть их? Если они смогут свободно перемещаться, как им и положено, они будут иметь право в любой момент выехать из Польши. Границы открыты. И они сделают это, потому что у нас любой гражданин сохраняет свои права”, — подчеркнул президент Польши». (Анна Горчица, «Газета wyborcza», 17 окт.)

- «“Если какая-то страна не хочет соблюдать соглашение, то неплохо было бы лишить ее структурных фондов ЕС или хотя бы их ограничить”, — заявил премьер-министр Греции Алексис Ципрас. (...) “Договоренности надо соблюдать, — добавил он, напомнив, что наша страна еще год тому назад согласилась участвовать в программе размещения беженцев. — Не может быть Европы a la carte («по собственному усмотрению»), когда об интеграции вспоминают, только если это выгодно”. (...) В свою очередь, премьер-министр Италии Маттео Ренци пообещал (...), что наложит вето на выплату денег ЕС тем странам, которые не хотят принимать беженцев». (Анджей Белецкий, «Жечпосполита», 27 окт.)

- «Польша начинает очередную дискуссию с Брюсселем, (...) на этот раз по вопросу ограничения эмиссии углекислого газа в таких отраслях, как транспорт, строительство и сельское хозяйство (т.н. “система non-ETS”). (...) Согласно предложению Европейской комиссии, наша страна до конца будущей декады должна снизить эмиссию парниковых газов в отраслях non-ETS на 7% по сравнению с 2005 годом. (...) Польша сопротивляется предлагаемым Европейской комиссией нормам, рассказал Павел Салек, правительственный уполномоченный по вопросам климатической политики». (Иренеуш Судак, «Газета wyborcza», 19 окт.)

- «Очередные визиты французских и немецких дипломатов в Польшу отменены. (...) В частности, срываются встречи стран Веймарского треугольника (Франция — Германия — Польша) и Вишеградской группы (Чехия —

Словакия — Венгрия — Польша)». («Тыгодник повшехный», 13 нояб.)

• «Ален Жюппе, фаворит президентских выборов во Франции весной 2017 г.: “Скорее всего, расширение Евросоюза было необдуманым шагом. (...) Поэтому нужно снова положить карты на стол. (...) Мы должны выработать новые условия. И те, кто захочет, пойдут с нами, а остальных будет ждать совершенно иная судьба. Посмотрим, впрочем, как они себя поведут. Ведь за всем этим стоят серьезные интересы. Польша и Венгрия с большим размахом пользуются финансовой поддержкой, которую мы им оказываем». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 12 окт.)

• «Четыре крупнейшие страны ЕС — Германия, Франция, Италия и Испания — хотят объединить вооруженные силы». «“Исключение Польши из обсуждения произошло спустя две недели после того, как официальная Варшава разорвала контракт на закупку вертолетов “Caracal”. И это не месть за отказ от покупки французских вертолетов, но гораздо более серьезная проблема. Польшу перестали приглашать участвовать в ключевых инициативах Евросоюза, поскольку к ее правительству не относятся всерьез”, — говорит бывший министр обороны Томаш Семоняк». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 18 окт.)

• «Французский еженедельник “Пуан” 11 октября сообщил, что компания “Airbus Helicopters”, будет требовать от польской стороны возмещения ущерба за срыв контракта на закупку вертолетов “Caracal”. Речь идет о понесенных концерном расходах, которые представители Министерства национальной обороны предварительно оценили в 200 млн злотых. (...) Эта сумма не охватывает потерю потенциальной прибыли, которая, как правило, составляет 5% стоимости контракта, что дает еще около 500 млн злотых». (Бартош Гловацкий, Михал Ликовский, «Рапорт войско техника обронность», 10/2016)

• «Я думаю, можно смело говорить о перспективах строительства и производства польского вертолета. Он был бы ориентирован на нужды Центральной Европы. Тем более, что у нас есть очень интересное предложение от украинского производителя самолетных и вертолетных двигателей, завода “Мотор Сич”. (...) Это дает шансы на эффективное использование постсоветского оборудования, а также на строительство совершенно нового вертолета, не уступающего по своим параметрам западным образцам. (...) По своим важнейшим показателям, таким как грузоподъемность, высота и скорость подъема, этот вертолет мог бы стать одним из лучших в мире. У нас есть композитные лопасти, передачи, корпуса. Так что все не так плохо», — Антоний Мацеревич, министр национальной обороны. («вСети», 17-23 окт.)

• «Бартош Гловацкий, авиа-эксперт журнала “Крылатая Польша” (...) считает, что заявления министра обороны лишены реальных оснований. “Строительство вертолета — это сложный процесс, который может занять лет десять и обойтись в миллиарды, причем успех не гарантирован”, — говорит эксперт. Если Киев и Варшава захотели бы использовать и модифицировать корпуса вертолетов Миля, им пришлось бы в обязательном порядке получать согласие России и покупать лицензию на радикальную модификацию структур корпуса. “Это рискованное предприятие, ставящее производителя в зависимость от непредсказуемой политики державы, не состоящей в НАТО”, — подчеркивает Гловацкий». (Збигнев Лентович, «Жечпосполита», 19 окт.)

• «Министр национальной обороны Антоний Мацеревич часто выступает на публике. Так и должно быть — в конце концов, он один из ведущих политиков правящей партии. На выборах его поддерживали более 30 тыс. человек. Тревожит одно: чем больше делается таких публичных заявлений, тем сложнее относиться к ним серьезно». (Мацей Милош, «Дзенник газета правна», 19 окт.)

• «На вопрос, заслуживает ли Антоний Мацеревич отставки после того, как стало известно о его контактах с Альфонсом Д’Амато, лоббирующим интересы американской летной промышленности, 63% опрошенных ответили утвердительно, 15% — отрицательно, а 22% не определились с ответом. Опрос проводило агентство “SW Research”». («Ньюсуик Польска», 25-30 окт.)

• «“Это позор для страны и для НАТО, я не знаю другого такого государства с подобным отношением к офицерам”, — так бывший министр обороны Томаш Семоняк прокомментировал действия нынешнего главы польского оборонного ведомства Антония Мацеревича, отозвавшего ректора Военной академии НАТО в Риме генерала Януша Боярского. Решение о назначении Боярского на должность ректора “Defense College” в Риме принимал Военный комитет НАТО после того, как польский офицер выиграл соответствующий конкурс. Генерал был назначен на должность ректора в 2015 г. сроком на три года». («Газета wyborcza», 27 окт.)

• «В армии принцип ротации и временности полномочий является делом обычным, однако последние кадровые изменения в руководстве вооруженными силами Польши настолько радикальны, что возникают две проблемы. Во-первых, на высоких должностях начинают появляться люди, которым явно не хватает опыта. (...) Во-вторых, нарушается институциональная память в области обороны». (Мацей Милош, «Дзенник газета правна», 7 нояб.)

• «То, что творит в армии Антоний Мацеревич, вызывает беспокойство в НАТО. О масштабе этого беспокойства свидетельствует жест министра обороны США Эштона Картера. Мацеревич уже второй раз за последние несколько месяцев побывал в Вашингтоне, однако, несмотря на все старания польского оборонного ведомства, Картер снова не нашел времени, чтобы встретиться со своим польским коллегой». (Гжегож Жечковский, «Политика», 12-18 окт.)

• «НАТО отправит войска на восточный фланг, решили в Брюсселе министры обороны стран альянса. В феврале 2017 г. в Польше будет размещена бронетанковая бригада США с личным составом в количестве 4,5 тыс. военных. В апреле же в Польшу, а также Литву, Латвию и Эстонию придут многонациональные батальоны

НАТО, каждый из которых будет насчитывать около тысячи военнослужащих. (...) По данным министерства национальной обороны, в общей сложности в следующем году в Польше появятся 6 тыс. военных из различных стран альянса». («Жечпосполита», 28 окт.)

• «Аналитики, занимающиеся восточной проблематикой, убеждены, что все идет к военной интервенции России, которая тем самым докажет бессилие Запада. (...) Я считаю, что для таких опасений есть все основания. Статья 5 Вашингтонского договора, в соответствии с которой нападение на одну из стран альянса расценивается как нападение на всех членов НАТО, не действует автоматически. В этой статье говорится, что страны альянса предпринимают такие меры, которые посчитают необходимыми, включая вооруженное вмешательство. (...) Мы должны четко уяснить: если с Востока придет угроза, Запад нам не поможет. (...) Мы не можем чувствовать себя в безопасности. (...) Нужно быть готовыми к возможному конфликту», — проф. Збигнев Левицкий, политолог, американист, преподаватель Университета им. кардинала Стефана Вышинского. («Польска збройна», нояб. 2016)

• «Я в ужасе от того, до какой степени расколота моя страна. Это еще раз доказывает, что мы не в состоянии пользоваться плодами свободы. (...) Польшей правила партия невежд, а теперь к власти пришли отличники-подхалимы, прислуживающие своему партийному бонзе. Они разглагольствуют о христианстве и католической Церкви, но в их поступках нет смирения, зато есть высокомерие, а вместо милосердия — ненависть. Еще мне не нравится, что власти встречают молчаливым одобрением радикальные действия расистов, националистов и футбольных хулиганов. Они думают, что могут тем самым рассчитывать на их голоса на следующих выборах. Многие мои знакомые раньше ездили вместе отдыхать, а теперь перестали даже общаться из-за политических разногласий. (...) Поэтому мы и записали альбом о расколовшейся на два лагеря Польше. Поэтому я и пою: “Это Круглый стол горит, дым пуская к небесам, / самолет смоленский разделил он пополам”. Для меня это метафора современного состояния Польши. Я же выступаю за ее объединение. Призываю именно к этому, хотя меня, наверное, все равно никто не слышит», — Мунек Стащик, лидер группы “T.Love” о новом клипе своего коллектива. («Жечпосполита», 3 нояб.)

• «Меня не покидает ощущение, что мы находимся в переломном моменте нашей истории, и мир, в котором мы живем, вот-вот взорвется. Мы подошли к самому краю пропасти», — Аркадиуш Якубик, актер, режиссер. («Жечпосполита», 29-30 окт.)

3: Экономическая жизнь

Зарплаты растут, безработица снижается. Реальный рост средней оплаты труда на польских предприятиях в нынешнем году самый высокий после 2008 г. и составляет 5% по отношению к прошлому году, — сообщает «Дзенник газета правна». Рост заработка в разных отраслях разный. Самый большой рост (на 6,5-7,2%) отмечается в кожевенной и мебельной промышленности, в гостиничной сфере и в отраслях общественного питания и производства готового платья и текстиля.

Оплата труда растет прежде всего в связи с радикальным улучшением ситуации на рынке труда: снижается безработица, у предпринимателей все чаще возникают трудности с привлечением специалистов при довольно высоком и устойчивом экономическом росте. Уже 40% фирм столкнулось с такими проблемами. К концу 2016 г. уровень безработицы снизился до 8,2%, что оказалось самым низким показателем за четверть века. Как пишет Патриция Мациевич в «Газете выборчей», за последние два года работодатели забрали с рынка труда всех, кого только было можно. Даже в регионах, где безработица относительно высока (Вармия и Мазуры, Подкарпатье), найти новых работников очень трудно, а фирмы все время хотят привлечь новый персонал. Нелегко найти даже неквалифицированных работников, а тех, кто знает техническое черчение, имеет права на управление автопогрузчиком или может обслуживать цифровое оборудование, из-под земли не достать, замечает Патриция Мациевич. Одна из главных причин такого положения вещей — упадок профессионального образования.

Польская мебель в мировых салонах. Польша занимает четвертое место в мире по экспорту мебели и шестое — по ее производству. Объем экспорта изготовленной в Польше мебели составил в 2016 году в денежном выражении 9,68 млрд евро, сообщает Анета Вечежак-Крусинская в газете «Жечпосполита». Главный клиент польской мебельной промышленности — Германия. В 2015 году здесь было куплено произведенной в Польше мебели на сумму свыше 3,24 млрд евро. На втором месте среди импортеров польской мебели Великобритания, на третьем — Франция. Продолжаются поиски новых покупателей, в частности, в США, Южной и Центральной Америке (Бразилия, Мексика), в государствах Северной Африки, а также в Иране, Арабских Эмиратах, Саудовской Аравии. В свое время важным рынком сбыта для польских мебельщиков была Россия. Ныне торговый оборот с Россией значительно снизился в связи с неопределенностью экономической ситуации и катастрофическим падением рубля.

Использование фондов Евросоюза. В 2016 году, в рамках политики выравнивания, на поддержку сельского хозяйства, морской отрасли и рыболовства Польша получила от Европейского союза почти миллиард евро. Как сообщает «Наш дзенник», это самая крупная квота, полученная одной страной, среди всех государств

Евросоюза. Вице-премьер Матеуш Моравецкий заявил, что средства, поступающие от ЕС, Польша инвестирует быстрее, чем другие страны Евросоюза. Вице-премьер считает также, что предыдущее правительство оставило очень низкий уровень освоения инвестицией из союзных средств; в определенной мере отставание удалось преодолеть благодаря реализации правительственных программ. Отмечается очень высокая дифференциация регионов по использованию союзных фондов. Впереди Поморское, Великопольское и Опольское воеводства. На самых низких позициях — Подляское, Варминско-Мазурское, Люблинское, Куявско-Поморское воеводства, в которых из средств Евросоюза истрачено всего несколько процентов. Самая большая часть фондов предназначена на развитие транспортной сети, в том числе на финансирование пяти отрезков автострადы Варшава—Краков, а также на строительство второй линии варшавского метро.

Виа Карпатия. Зеленый свет дается строительству «Виа Карпатия» — автомобильной магистрали, тянущейся от Литвы вдоль восточных границ Евросоюза вплоть до Греции, — пишет Адам Возняк в газете «Жечпосполита». Проходящий через Польшу участок этой трассы составляет 683 км. Идея проекта «Виа Карпатия» возникла 10 лет назад на конференции в Ланцуте, в которой приняли участие министры транспорта Литвы, Польши, Словакии и Венгрии. В марте 2016 г. представители Польши, Венгрии, Литвы, Румынии, Словакии, Турции и Украины подписали декларацию о дальнейшем сотрудничестве по строительству этого транспортного коридора. Однако планы строительства может подорвать чувствительная нехватка средств, особенно в Польше. Дело в том, что средства Евросоюза, о которых шла речь выше, предназначены на другие транспортные артерии и не могут быть использованы на строительство «Виа Карпатия».

Золотая лихорадка. Польский (Варшавский) монетный двор — это зарегистрированное на бирже общество, занимающееся не только чеканкой монет, которыми мы ежедневно пользуемся в магазинах, но также выплавляющее золотые слитки на небольшом металлургическом предприятии под Варшавой. Фирма сообщает о рекордном росте спроса на золото в 2016 году. С начала нынешнего года, как информирует Иренеуш Судак в «Газете выборчей», продажа драгоценных металлов индивидуальным клиентам возросла на 33%. Заинтересованные могут выбирать небольшие 1-граммовые брусочки за 390 злотых, более крупные, 1-унциевые (31,1 г) с изображением Папы Иоанна Павла II (за 5,5 тыс. злотых), а самых богатых ждут килограммовые слитки за цену автомобиля премиум-класса, по 168,7 тыс. злотых. Наибольшим спросом пользуются небольшие слитки весом до 5 г. В 2016 году их было продано 3 тыс. штук, что означает рост в течение года на 230%. Рост продаж отмечается также у конкурента варшавской фирмы — Вроцлавского монетного двора, где стоимость реализации изделий достигла в 2016 году почти 300 млн злотых. Самыми популярными у покупателей продукции Вроцлавского монетного двора оказались 1-унциевые слитки.

Чем объяснить рост спроса на золото в Польше? Специалисты полагают, что на это влияет, в частности, политико-экономическая ситуация в мире. Когда все новые и новые страны охвачены волнениями, когда возрастает недоверие к действиям правительств, когда вспыхивают войны, — цена золота растет. Сейчас цена самая высокая за три с половиной года. Цены растут вместе со спросом. Вполне вероятно, что в ближайшие время польские индивидуальные клиенты купят 7-8 тонн золота, то есть на одну тонну больше, чем в 2015 году.

Е.Р.

4: Петербургская юность Яна Захватовича. 1900-1924

Бывают такие эпохи, страны и обстоятельства, когда даже самые благородные люди не чужаются подделки документов... Ян Захватович родился в Гатчине под Петербургом в 1900 году и был в связи с этим «русской национальности». Его родители, которые прибыли туда из Вильно, имели «польскую национальность». Когда в 1921 году встал вопрос о выезде во вновь образовавшуюся Польшу, оказалось, что у Яна нет на это права. Не оставалось ничего иного, как подделать свидетельство о рождении. Мошенничество? Конечно, но основанное на великолепном таланте рисовальщика, на упорном стремлении к поставленной цели и на... абсолютной честности. Фокус удался, а приобретенные навыки оказались бесценными через двадцать лет, при немецкой оккупации, когда именно Захватович, доцент архитектурного факультета Варшавской Политехники, организует подпольную фабрику фальшивых документов.

Расположенная в 45 километрах к югу от столицы Гатчина была с конца XVIII века царской резиденцией. Классицистический дворец, хоть и помещался в прекрасном парке, украшенном скульптурами, больше походил на крепость. Его окружала зловещая аура. Павел I, который получил эту землю от не любившей его матери, Екатерины Великой, страдал манией преследования попеременно с манией величия. В своем гатчинском «царстве» он устраивал драконовские военные упражнения, пытаясь привить гвардейским полкам прусскую муштру. Не менее мрачной была память о правлении Александра III, который из страха перед террористами из революционной организации «Земля и воля», сделал из Гатчины гнездо шпииков и жандармов. Его сын, Николай II, сбежит отсюда из очаровательный дворец в Царском Селе. Как все царские города-резиденции, Гатчина имела

хорошо развитую инфраструктуру, она даже получила первую премию в этой категории на парижской Всемирной выставке в 1900 году. Городок выделялся двумя железнодорожными вокзалами: меньший, Балтийский, соединявший город с Петербургом, и большой, «Гатчина Варшавская», расположенный на второй после Москвы междугородной линии империи, Петербург—Варшава (с остановкой в Вильно). Именно туда в конце столетия был направлен Винценцы Захватович. Отец Яна происходил из мелкой виленской шляхты, он окончил техническое училище, работал вначале слесарем, затем инструктором машинистов. В конце века, во времена министра Витте, развитие железнодорожных линий приобрело неслыханный темп, и Винценцы Захватович, явно высоко ценимый начальством, был переведен в Гатчину на должность инспектора железнодорожного узла. Он прибыл туда в обществе жены Ядвиги, урожденной Эггерт. «Инженеры в России — почти исключительно поляки, русских среди них не сыщешь», — с иронией писал известный фельетонист, владелец влиятельной консервативной газеты «Новое время», Алексей Суворин^{Алексей Суворин, «Дневник», стр. 199.} Отношения между пребывавшей при дворе аристократией, гвардейскими офицерами и космополитическим сообществом инженеров складывались не лучшим образом. Только после революции 1905 года и выборов в первую Государственную думу (где заседала и польская фракция) будет дано разрешение на строительство в городке католической церкви. Два года спустя отец Яна получает место в Петербурге. Это очередное повышение, подразумевающее высокий оклад. Вся семья переезжает в столицу. Два старших брата и сестра Хеля уже ходят в школу. Ян дома учится писать по-польски.

Дорога, ведущая из Кронштадта в Санкт-Петербург, по правую и левую стороны загорожена лесом. Здесь видишь не великолепные дубы с высокими кронами, не густые вязы и не вечнозеленые кусты лавра, а самые мрачные деревья, которые только растут под солнцем. После многочасового путешествия через этот отвратительный и мрачный лес река вдруг поворачивает, сцена меняется в мгновение ока, как в опере, и перед нами вырастает имперский город^{Lettres du comte Algarotti sur la Russie, Paris, 1769, cnp. 66.}

Так описал въезд в Петербург в 1729 году итальянский путешественник, человек пера и культуры, Франческо Альгаротти. Всего двумя десятилетиями раньше этот болотистый и необитаемый берег устья Невы был захвачен войсками Петра I, который решил основать здесь город, центр новой, европейской России. Именно Альгаротти отчеканил знаменитую фразу, которой суждено было пережить века: Петербург это окно, через которое Россия смотрит на Европу. Восприимчивостью к городским пейзажам итальянец был обязан дружбе с венецианским живописцем Каналетто, сыном театрального художника и мастером «vedute» - панорамных видов городов: Венеции, Лондона, а во второй половине века Варшавы... Ян познакомится с живописью Каналетто в петербургском Эрмитаже.

Захватовичи въехали в столицу с юга, по суше, но зрительный шок был не меньшим. Вдоль обоих берегов широкой реки идут фасады дворцов и особняков XVIII века: справа неоклассическая Академия художеств, барочный дворец Меншикова, кирпичных тонов университет и голубая Кунсткамера. Берег заканчивается стрелкой, которая вонзается в реку портиком неоклассической биржи, обрамленной двумя колоннами с выступающими черными рострами. В гранитные набережные с силой бьется вода, но над свинцовыми волнами по-венециански чередуются легкие разноцветные фасады барочных зданий и краснота ростральных колонн. Дальше, за Малой Невой, тянутся толстые стены Петропавловской крепости, из-за которых вырастает филигранная золотая игла собора, установленная по требованию Петра Великого, который желал, чтобы первый храм в городе устремлялся в небо не пятью православными куполами, а протестантским шпилем. Напротив казематов, вдоль левого берега реки тянется непропорционально удлиненный барочный фасад Зимнего дворца мастера Растрелли, а за понтонным мостом низкий серый горизонт пронзает вторая золотая игла, венчающая неоклассическое здание Адмиралтейства. Зимой замерзшая Нева превращается в искрящуюся ледяную поверхность. С моста видно, как на стеклянной глади, как на картине Брейгеля, располагается миниатюрный городок: ледяные горки для народных забав, рубщики льда, парусные сани, конькобежцы, извозчики, а с 1911 года трамвайные пути. Богатство, очарование и фантазия этой феерической архитектуры на фоне пустынной северной природы поистине производили впечатление оперной декорации. «Потемкинские деревни» имеют недобрую славу архитектурного обмана; искусственные фасады, выстроенные вдоль берегов Днепра, имели целью скрыть полуразрушенные избышки от взора европейских попутчиков Екатерины Великой. Но разве подобный «обман» не лежит в основе театра и оперы? Во всяком случае, так воспринимал Петербург юный Захватович: «Мальчишкой я мечтал стать сценографом в театре — ведь я смотрел большие, великолепные оперные и балетные спектакли, которые производили на меня огромное впечатление [...]. В Петербурге прошла моя молодость [...]. Надо сказать, что она была наполнена искусством. Во-первых, архитектура Петербурга, которая, несомненно, воздействовала на меня [...].»^{Jan Zachwatowicz, W stulecie urodzin, Zamek Królewski, Warszawa, 1979, стр.44.}

Конечно, с большой долей вероятности можно предположить, что родители Яна, так тщательно заботившиеся об образовании детей, не только водили их в оперу и в театр, но и читали им польскую литературу, в том числе «Отрывок» третьей части «Дзядов». Строфы, описывающие подъезд к городу, живо напоминают слова Альгаротти: «Ни города нет на пути, ни села. / От стужи природа сама умерла»*, как вдруг, за поворотом дороги, открывается ослепительный вид: «И вот уже слышно столицы дыхание. / Дорога отлична — ровна, широка. / Дворцы по бокам». На этом сходство между двумя путешественниками заканчивается. Гонимый поэт, словно «на филистимлян встарь Самсон», внимательно смотрит на город-чудо, построенный по приказу царя на болоте за счет награбленных богатств и смерти тысяч крестьян. Город, не похожий ни на какой другой, «соединенье мрамора и глины», город-космополит («языков и письмен столпотворенье»), выдуманный, искусственный, в котором исчезает ощущение реальности, «как призрак в волшебной панораме». Для родителей Яна слова Мицкевича о «городе Сатаны» вдруг прозвучали окончательным приговором. Ян же положился на свою художественную впечатлительность и с восхищением разглядывал пейзаж. Он невольно ступил на путь, который уже несколько лет прокладывали художники, объединившиеся вокруг Сергея Дягилева и журнала «Мир искусства». Очарованные Петербургом художники Александр Бенуа, Лев Бакст, Константин Сомов, Владимир Щуко занялись сценографией и перенесли театр города на театральные подмостки.

* Здесь и далее стихи А.Мицкевича в переводе В. Левики. — Прим. пер.

Яна записывают в классическую гимназию, и тут, летом 1914 года, вспыхивает война. В воспоминаниях, которые Захватович написал в 1979 году, войне и революции посвящено лишь несколько слов. А ведь для столицы, переименованной царем Николаем II в Петроград, это были трудные и необычные годы. В феврале 1917 года манифестации петербургского пролетариата вынудили Николая II отречься от престола; несколько месяцев спустя социалист Керенский въехал в Зимний дворец, а Ленин — в Смольный институт благородных девиц; в октябре вооруженные отряды под предводительством большевиков вышвырнули Керенского из Зимнего дворца, а Ленин провозгласил Республику Советов; а 18 марта, под покровом ночи, штаб партии и новое правительство тайком покинули Петроград, чтобы возвестить из Кремля, что правительство социалистической России избрало столицей Москву. После двух столетий царствования Санкт-Петербург, творение Петра Великого, символ модернизации России и принадлежности империи к европейской цивилизации, был, по определению писателя Даниила Хармса, понижен до ранга «провинциальной столицы». 11 марта Ян с отличием сдал экзамен на аттестат зрелости.

«У меня всегда была склонность к рисунку, собственно, я хотел заняться графикой, пойти в Академию художеств, но отец видел меня в Институте инженеров путей сообщения»^{Jan Zachwatowicz, Wspomnienia, запись от 19.05.1975, Politechnika Warszawska, ч.II.}

Полюбовно остановились на Институте гражданских инженеров, где, нужно отметить, училось много поляков^{Малгожата Омиляновская в цитате Вальдемара Барановского „Między opresją a obojętnością. Architektura w polsko-rosyjskich relacjach w XX wieku”, in Katalog wystawy „Warszawa-Moskwa/Moskwa-Warszawa 1900-2000”, Zachęta, Narodowa Galeria Sztuki, Warszawa, 2004, стр. 99.}

Институт был респектабельным учебным заведением со своими традициями. Техническое училище, основанное Николаем I в тридцатые годы XIX века, удостоилось в 1882 году ранга института. Помимо инженерных дисциплин, в Институте были занятия по архитектуре, проводившиеся профессорами Академии художеств. Именно здесь в начале века развилась новая отрасль архитектуры — городское планирование. Из преподавателей упомянем поляка Мариана Перетятковича, автора, наряду с Леонтием Бенуа, плана развития Петербурга в 1911 году; в 1918-м он окажется уже в Польше, так же, как и другой известный архитектор российской столицы Мариан Лялевич. В Институте вел занятия сам Леонтий Бенуа, наиболее востребованный профессор Академии и наставник большей части будущих корифеев советской архитектуры. Это он был автором проекта собора Александра Невского в Варшаве, построенного на Саксонской площади в Варшаве в 1913 году. Сразу после обретения независимости будет принято решение о сносе этого символа оккупационной власти, так что Захватович по приезду в Варшаву увидит лишь его руины. Бенуа впервые посетил Варшаву в 1881 году, и его сразу поразил ее «урбанизм». Он спешно зарисовывал архитектурные решения перекрестков, бордюры, фонари. «Варшава — напишет его брат Александр, — показалась нам тогда не окном в Европу, а самой Европой»^{Александр Бенуа, «Мои воспоминания», Москва, 1990, т.1, стр.417.} После революции Леонтий Бенуа по-прежнему будет вести учебные занятия (с коротким перерывом на отсидку в ГПУ), причем охотнее в Институте, где «левый фронт» молодых строителей и антибуржуазные реформы донимали меньше, чем в Академии^{А.В.Байданов, «Архитектурная школа Института гражданских инженеров», Ленинград, 1983.}

«Я очень доволен, что учился именно в Институте — скажет позже Захватович, — хотя занятия проходили в необыкновенно трудных условиях. У меня были отморожены руки, так как чертили мы в слабо отапливаемых или совсем неотапливаемых залах. Но там был высококлассный, великолепный штат профессоров, причем как по архитектурным предметам, так и по техническим. Статика, сопромат — эти предметы я знал в совершенстве. Целью Института была подготовка инженеров и архитекторов для российских уездов, где других технических сил не было в принципе, так что эти должны были уметь всё: проложить канализацию, построить мост и жилой

дом. Я получил там очень широкую техническую подготовку, базу, которой я очень многим обязан. Я до сих пор разбираюсь в технической стороне работ. Но происходило это в нелегкие годы»^{Jan Zachwatowicz, Wspomnienia, op.cit.}. Ну, хорошо, скажет читатель, а революция? А власть большевиков? Послушаем воспоминания другого выпускника института, С.М. Шифрина, опубликованные в 1972 году. Шифрин, молодой большевик с трехлетним стажем на фронте гражданской войны, попал в Институт в 1921 году по направлению от Красной Армии: «Уже от дверей Института была видна парадная лестница, обставленная с обеих сторон античными статуями, которые как будто приглашали подняться наверх. Но взгляд сразу привлекали стены, где висели оправленные в рамы проекты церквей, фасады, планы, разрезы. Там стояли также макеты церквей, мне запомнился особенно крупный макет Кронштадтского собора. Такой антураж в храме науки советского государства изумил меня. Удивляли меня и студенты, одетые в темно-синие тужурки с малиновым кантом и золотыми пуговицами, на которых виднелись символы топора и лопаты. Моя старая шинель и узелок резко контрастировали с этим фоном. В 1922 году институт жил как в дореволюционное время. Декреты Советской власти туда не проникли. Все было по-старому, по-семейному. Даже иконы оставались на месте. Студенты учились, как и прежде, проектировать доходные дома с подвалами для рабочих. На занятиях по зданиям общественного назначения проектировались церкви [отметим, что тема дипломной работы Захватовича — вилла с фонтаном — будет столь же мало революционной, Э.З.]. В состав институтского Совета входили контрреволюционно настроенные студенты, а в профессорской курии тон задавали престарелые антисоветские преподаватели. [...] Старый лозунг автономии высшей школы все еще был в ходу. В царские времена его выдвигала либеральная часть профессуры, но после революции он стал способом отгораживаться от советской действительности. [...] Самым беспокойным в истории Института был 1922-1923 учебный год. К концу 1923 года явное сопротивление реакционной части преподавателей и студентов было уже преодолено»^{С.М.Шифрин, «Воспоминания» в «Юбилейная книга Санкт-Петербургского Государственного архитектурно-строительного университета, 1832-2002», С.П.Заварихин (ред.), СПб, 2002, стр.45-46.}

В апреле 1918 года Академия художеств была ликвидирована, а на ее месте появились Свободные художественно-учебные мастерские. Это, определенно, повлияло на решение Винценты Захватовича, практично мыслившего о будущем сына. Этот выбор имел далеко идущие последствия: Захватович, наряду с архитектурой, не только овладел технической стороной строительства, но и учился в относительно спокойной атмосфере. При Институте действовал «кооператив», помогавший найти работу голодным студентам. А голод зимой 1918-19 годов был суровым: Ян вынесет из этого периода сужение желудка, потерю четырех зубов и ревматические боли в пальцах. «Помню, идя по улице, я чувствовал легкость, потому что был голодным, как собака. А когда я приходил на такое собрание [речь идет о собраниях Вольной философской ассоциации], то забывал о голоде и о том, что дома нечего есть».

*«Трава на петербургских улицах — первые побеги девственного леса, который покрывает место современных городов. Эта яркая, нежная зелень, свежестью своей удивительная, принадлежит новой одухотворенной природе. Воистину Петербург самый передовой город мира. [...] Да, старый мир — «не от мира сего», но он жив более, чем когда-либо. Культура стала церковью. [...] У нас не еда, а трапеза, не комната, а келья, не одежда, а одеяние. Наконец, мы обрели внутреннюю свободу, настоящее внутреннее веселье. [...] Христианин, а теперь всякий культурный человек — христианин, не знает только физического голода, только духовной пищи. Для него и слово — плоть, и простой хлеб — веселье и тайна»*Осип Мандельштам, «Слово и культура», 1921..

Осип Мандельштам

В годы гражданской войны Петербург превратился в каменный призрак. Люди бежали — одни в деревню, другие за границу; из двух миллионов, проживавших там в 1914 году, осталось 700 тысяч. Зимой неотопливаемые здания покрывались белой шубой и ужасали, как скованные льдом суда в замерзшем море. В обезлюдевшем городе перестали ходить трамваи, не работали заводы. «Уже на наших глазах тление начинало касаться и Петербурга: там провалились торцы, там осыпалась штукатурка, там пошатнулась стена, обломалась рука у статуи. Но и этот еле обозначающийся распад еще был прекрасен, и трава, кое-где пробившаяся сквозь трещины тротуаров, еще не безобразила, а лишь украшала чудесный город, как плющ украшает классические руины»^{В.Ходасевич, «Диск», в «Литературные статьи и воспоминания», Paris, 1970. Текст написан в 1939 году в Париже.}

, — будет вспоминать в изгнании Владислав Ходасевич. В этих невероятных декорациях, где мебель и книги были единственным топливом, культура стала, если воспользоваться сравнением Мандельштама, как вода и хлеб для первых христиан. Не хватало бумаги, поэтические вечера, на которые ходил Захватович, заменяли изобретение Гутенберга, а лекции Вольной философской ассоциации — церковные службы. Ассоциацию основали писатели и философы, готовые принять «революционную действительность», но желавшие обогатить ее революцией духа и культуры: Блок, Белый, Ремизов, а из философов Пумпянский, Лосский, Карсавин, Шестов, Иванов-Разумник и Бердяев. Дискуссии необыкновенно популярны, на открытые лекции приходит по

несколько сот слушателей, и среди них Ян. Увлеченный философией, он одновременно посещает частные семинары Фаддея Зелинского, знаменитого эллиниста, который после 1922 года перейдет в Варшавский университет. К этому добавляются семинары в Институте истории искусств¹ Обсуждая статью Яна Захватовича «Проблема цветной копии в изучении монументальной живописи», опубликованную в первом номере «Научного бюллетеня» (сентябрь 1932) Отделения польской архитектуры и истории искусства Варшавской Политехники, Станислав Лоренц подчеркивает критическую оценку Захватовичем современного польского наследия в этой области как ненаучного и его новаторские предложения, основанные на практике Института истории искусств в Ленинграде (sic), «который организовал систематическую инвентаризацию памятников монументальной живописи и обладал собранием, составленным на основе точно определенных правил копирования». Jan Zachwatowicz, W stulecie urodzin, op.cit., str.18.

У Института небанальная история. Его основал в 1912 году граф Зубов, выделив для этой цели собственный дом на Исаакиевской площади и снабдив его прекрасной библиотекой и коллекцией искусств. В 1918 году граф добровольно подал заявление о национализации имущества в надежде таким образом избежать ликвидации. Институт функционировал наподобие свободного университета, без постоянных программ, без ученых степеней, но семинары вели лучшие прогрессивные знатоки литературы, искусства и музыки.

После голодной зимы 1919 года в доме Захватовичей настали беспокойные дни. На западе Европы война давно закончилась. На Востоке наследие Российской империи еще несколько лет будет предметом кровавых битв. За права на Виленский край сражались Польша, Литва и Советская Россия. После ухода немецких войск власть в Вильно захватила вновь созданная Литовская Советская республика, но уже в апреле в город вошли польские части под командованием Юзефа Пилсудского. Там Пилсудский и был провозглашен Маршалом Польши. В июле 1920 года польская армия вынуждена была отступить, отдав Вильно литовцам и большевикам, но уже в октябре части генерала Желиговского, окрыленные победным наступлением против Красной Армии, отбили город. Не ожидая подписания мирного договора между Польшей и Россией (Рига, март 1921 года) и создания Комиссии по вопросам репатриации польского населения, Захватовичи как-то добыли документы на выезд и в феврале уже были в Вильно. Вместе с ними уехали двое младших сыновей. Ян и Хелена, его старшая на 8 лет сестра, остались в Петрограде. Осталась также тетка со стороны матери вместе с сыном.

У большевистских властей есть на Яна зацепка и даже две: он родился в Петербурге, и он «русской национальности», что делает невозможными хлопоты о выезде. К тому же он в призывном возрасте. В красноармейской форме он, расквартированный между Оршей, Витебском и Могилевом, в качестве будущего инженера ремонтирует разрушенные мосты, а те, которые еще стоят, подготавливает к разрушению. В письме родителям он пишет: «Сижу в глуши. [...] Страшно и противно жить в такие времена»² Ян Захватович в письме родителям, 21.01.1921.

В письмах Яна Захватовича и других документах, относящихся к тем годам, мы сохраняем оригинальную орфографию и синтаксис. «Я стесняюсь писать Вам по-польски, ведь Вы там очищаете свой язык, а я его «загрязняю»», писал он 29.01.1922.

В феврале 1921 года, получив известие о выезде родителей, он пишет письмо сестре, в котором ощущается не только облегчение, но и беспокойство от мысли, что «мы остались здесь с тобой вдвоем»; надежда на скорое воссоединение с отцом и матерью, а также страх перед необходимостью продолжить образование на языке, техническая терминология которого ему незнакома.

Как студент Института Ян уже в мае получает освобождение от армии. «Мечтаю о Польше и новой жизни», — пишет он родителям. Именно тогда у него зарождается идея подделать документы. Имея двойной стаж, чертежника и военного, Ян чувствует себя на высоте поставленной задачи: «Я сейчас готовлю немного рискованный фокус, чтобы тоже записаться беженцем в Вильно [...]. Документы у меня слабые, но, возможно, станут посильнее. У литовцев здесь мне помогал Чепайнис, а у поляков никто, а сам я деятель неважный. Настроен я не слишком оптимистично».

Из армии Ян вернулся в изменившуюся Россию: войска белых были разгромлены, и Ленин решил ввести новую экономическую политику (НЭП): появилась малая и средняя частная собственность, возродился рынок, приводимый в движение отечественным и иностранным капиталом. «Диктатура пролетариата» смягчилась, но экономический либерализм отнюдь не привел к политическому плюрализму. Ян поселился у сестры Хели и ее мужа, Дмитрия Яковлевича. Дмитрий был инженером, хорошо зарабатывал, и, хотя молодой человек старался им не навязываться, не злоупотреблять их благосостоянием, его положение значительно улучшилось, особенно состояние его здоровья. Правда, жил он в неотопливаемой комнате, чтобы не расходовать выдаваемые для отопления дрова, зато ел мясо, на праздники были сладости, к тому же Дмитрий Яковлевич подарил ему новые ботинки. Еще Ян унаследовал от прежних жильцов фортепьяно. После них ему досталась комната получше, и он с гордостью описывает ее родителям, добавляя к описанию рисунок: «Моя комната выглядит весьма впечатляюще. Сочный колорит: фортепьяно, шкаф и стол — красное дерево (темное); портьеры на двери и ковер над кроватью в персидском стиле (темных тонов), оттоманка темно-зеленая. Картины, фотографии... Ах, да! А кровать покрыта желтой шелковой тканью. Над столом «Венера» Джорджоне [...] и портрет Владимира

Соловьева, а не Толстого. Я пишу это потому, что в одном из писем Мама заподозрила меня: «уж не сделался ли ты толстовцем?». [...] Спешу себя реабилитировать в этом подозрении и сказать, что я ни в коем случае не толстовец и вообще не склонен к «партийности», а в Соловьеве меня восхитили его мистические идеалы, но, разумеется, не его оптимистический взгляд на православную Церковь, так ужасно разгромленную в наши дни» Письмо Яна Захватовича родителям, Петербург, 15.07.1922.

Говоря о «толстовцах», Ядвига Захватович, очевидно, имела в виду критическую позицию Льва Толстого по отношению к православной церкви, религиозную и социальную нелояльность писателя. Читатель заметит в этом письме удовольствие от описания картины, отголоски Философской ассоциации и отстранение от всякой «партийности», что многое объясняет в последующей, варшавской биографии Захватовича.

В начале 1922 года пришла плохая новость: прошение о выезде было отклонено. Мотив отказа: «недостаточные доказательства принадлежности к польской национальности». «Думаю, что причины отказа в чем-то другом... Плохо то, что у меня нет никакой протекции, и даже если бы она у меня была, я совершенно не умею пользоваться ею, о чем вы прекрасно знаете».

Нужно как-то обустраиваться надолго. Материальная ситуация, как он сам пишет, совсем неплохая. Родители присылают из Вильно посылки с мясом и салом, иногда доллары, Дмитрий Яковлевич хорошо зарабатывает, у него самого есть студенческий паек – продукты, топливо и папиросы, и он нашел подработку в Научном издательстве. Но собственный комфорт не сделал его бесчувственным к трудностям других людей и к «гримасам НЭПа», как тогда говорились: «Жить можно, и неплохо, но не всем, ох, как не всем. Повсюду увольняют со службы [с государственных должностей], не говоря уже о прочем. Одних безработных инженеров в Питере около 700, и им приходится несладко [...]». В другом письме он добавляет: «Не буду касаться политических дел, а то какому-нибудь дураку это может не понравиться, а впрочем, вы, наверное, лучше нас знаете, что происходит в мире, ведь нам правды в «Правде» никогда не увидеть». Большое место в письмах занимают замечания о происходящих в городе переменах: «Темп жизни в городе вдруг очень оживился. В магазинах есть всё, на улицах движение, как до революции, и много очень прилично одетой публики, правда, не без особенностей (буржуазные хамы и спекулянты). За лето проделана огромная работа, по всему городу на главных улицах отремонтированы мостовые. [...] Везде отремонтировали канализацию. [...] Строительства пока нет. Красят дома, крыши, даже некоторые церкви (!) Город ожил, и лишь развалины домов и скелет Сенной напоминают о мертвом Питере».

«В 1920-1922 годах общество "Старый Петербург" переживало эпоху расцвета, который поистине можно было назвать вдохновенным. [...] Во-первых, по мере того как жизнь уходила вперед, все острее, все пронзительней ощущалась членами общества близкая и неминуемая разлука с прошлым. [...] Во-вторых (и это может показаться вполне неожиданным для тех, кто не жил тогда в Петербурге), именно в эту пору сам Петербург стал так необыкновенно прекрасен, как не был уже давно, а может быть, и никогда. Люди, работавшие в "Старом Петербурге", отнюдь не принадлежали к числу большевиков. Но, как и все другие, [...] они не могли не видеть, до какой степени Петербургу оказалось к лицу несчастье» В.Ходасевич, «Диск», op.cit..

Владислав Ходасевич

Владислав Ходасевич был поэтом, человеком пера (в частности, переводчиком с польского), полностью поглощенным литературными делами. Тот факт, что деятельность общества «Старый Петербург» привлекла его внимание, свидетельствует о том, какое огромное значение придавалось в те годы спасению разрушавшегося города и его архитектурного наследия.

Общество «Старый Петербург» существовало с 1907 года. Лозунг охраны «старого Петербурга», а точнее, Петербурга барочной и неоклассической застройки и уникальной для России неоклассической урбанистической концепции, выдвинул Александр Бенуа в начале века в журнале «Мир искусства», которым руководил вместе с Дягилевым. Лозунг переродился в общественную инициативу лишь после революции 1905 года, иными словами, после введения свободы слова, печати и объединений. Образцом для Александра Бенуа послужило «Общество друзей старого Парижа», основанное в конце столетия, и его аналоги во Флоренции и в Праге. Ситуация в России отличалась тем, что охрана памятников охватывала почти исключительно церковные и династические здания, а также фортификационные строения. Светское строительство почти не интересовало царские институты. Общество сразу же приобрело необыкновенную популярность, стало инициатором выставок, лекций, акций и юридических проектов по охране памятников, основателем Музея Старого Петербурга. Объединенные вокруг него художники, архитекторы, коллекционеры и историки искусства играли ведущую роль в важнейших журналах, посвященных культуре, таких как московское «Золотое руно» или петербургский «Аполлон». В них источник классицистического кредо поэтической группы акмеистов, Мандельштама и Ахматовой. На поле архитектуры любители «старого Петербурга» (а вскоре и «старой Москвы»), конечно, не уживались с модернистами. Они с возмущением отвергали господствовавшую среди столичной буржуазии моду на Art nouveau, а для зданий, строившихся в качестве банков, торговых складов, вилл либо жилых домов, искали новые монументальные формы, списанные с модели неоклассицизма. Тяготая к прошлому, они боролись за место в

современной городской эстетике. Из этой короткой характеристики ясно следует, что для друзей Бенуа важно было не столько определить метод консервации, сколько ввести в общественное сознание понятие эстетической и исторической ценности памятника, причем понятие «памятника» рассматривалось абсолютно новаторски, то есть с учетом его первоначального городского контекста. Наверняка именно это привлекло юного Захватовича. В 1918 году Музей Старого Петербурга был включен в новый Музей Города, во главе которого стал архитектор Лев Ильин, выпускник Института гражданских инженеров.

Еще во время войны в России начало действовать Общество попечения над памятниками польского искусства и культуры. Выпущенное в 1916 году обращение «ко всем соотечественникам в России и далеко за границами Польши и России» могло попасть в дом Захватовичей: «Отчизна, пробуждаясь от страшной летаргии, видит на своих землях столь великое опустошение, какого Польша не знала на протяжении всего своего тысячелетнего существования. [...] Все эти организации [Общества] инвентаризируют, делая работу исторически-научного значения, находят новые ценности в утерянных сокровищах, подготавливают материалы, необходимые для новой культурной жизни возрождающейся земли, [для] восстановления страны в архитектуре, соответствующей польскому характеру, в собственном стиле, на принципах собственной цивилизации, создания хорошо устроенных и продуманных музеев, которые должны стать рассадником живых зерен и начинаний, а не катакомбным складом пережитого. [...] Мы живем нашим прошлым, оно укоренено в нашем существовании» GARE, 5115/1/163/31-31bis.

Главным экспертом по вопросам искусства с советской стороны на переговорах вокруг Рижского договора был Игорь Грабарь, автор первой истории русского искусства и архитектуры и близкий друг Александра Бенуа. Благодаря этому воззванию во имя защиты польской культуры, находившейся в угрожающем положении, особенно усиливалось кредо Старого Петербурга, и, пусть даже в те годы Ян был далек от воплощения его в жизнь, эти слова должны были запастись ему в память — не как приглашение к «катакомбному» путешествию, а в качестве подспорья на будущее. «Много занимаюсь всегда милым мне искусством. Немало читаю, и не только о живописи, временами бываю на концертах и поэтических вечерах. [...] Недавно погиб от голода Александр Блок, и расстреляли Гумилева. В этом состоят невеселые (и весьма) стороны нашей жизни» Письмо Яна Захватовича родителям, Петербург, 12.08.1921.

Александр Блок умер от болезни, после отказа в выдаче ему паспорта для лечения в Финляндии, Э.З., — пишет он в августе 1921 года. Можно предположить, что юный любитель поэзии присутствовал на авторском вечере Блока двумя годами ранее. Тогда поэт читал старую, так и не оконченную поэму «Возмездие» — возмездие за историю. Возмездие за отца, который оставил семью и доживал век в Варшаве, куда Блок поехал для последней встречи с ним. Родители Яна были еще в Петрограде, но строфы поэмы Блока не могли не произвести на него огромного впечатления. А образ Польши... страны, о которой «забыл Ты, Боже», как пишет Блок, страны, измученной насилием и живущей жаждой мести; «задворок польских», которые связаны с Европой лишь рельсами, убегающими на запад... «Дни у меня заполнены с 9 до 3 часов (ночи), потому что, помимо учебы, я интересуюсь искусством, так что читаю много книг и даже стихов. Иногда бываю на литературных или поэтических вечерах и очень редко в театре. Я счастлив именно тем, что могу учиться в Институте (теперь архитектуру я ни на что бы не променял) и заниматься тем, что меня интересует. [...] Искусство здесь, в России, в плачевном состоянии, если только можно сказать, что оно существует», — писал Ян в конце 1921 года. Как понимать это категорическое утверждение? Да, среди разнообразных занятий Яна нет места выставкам. Да, в послереволюционные годы искусство в Петрограде, в большей степени, чем в новой столице, «вышло на улицы». Большевистские власти предприняли акцию по созданию гипсовых памятников нового революционного и прогрессивного «пантеона». Первомайскую демонстрацию оформляли футуристы, Петров-Водкин, кстати, знакомый Яну по Вольной философской ассоциации: вместо Богородицы и нагих отроков на конях, он писал красноармейцев в тяжелых шинелях. Заведомо ли отвергал Захватович искусство авангарда? Это было бы слишком просто. Мы знаем, что он встречался с Казимиром Малевичем (также поляком по происхождению), возможно, познакомился через него с Владиславом Стшешинским, но, очевидно, не поддерживал это знакомство. Мы знаем, что он ходил в Эрмитаж, где Александр Бенуа был назначен куратором прекрасной коллекции западной живописи. Похоже, эстетические предпочтения Яна тянули его в этом направлении. Единственное, что можно сказать со всей уверенностью, это то, что по приезду в Польшу он не стал пропагандистом русского конструктивизма и искусства авангарда. 1921, 1922, 1923 — годы летели быстро, но дипломная работа по-прежнему заставляла себя ждать. Условия для учебы были трудными. Труд ради заработка, вначале изнурительный физический, потом работа чертежником и иллюстратором в Научном издательстве. К тому же еще разнообразные художественные и интеллектуальные интересы... ну, и любовь. Любовь возникла сразу по возвращении из армии и долго сохранялась в тайне от родителей. Елена Александровна, русская еврейка, на десять лет старше его, не слишком нравилась сестре Хеле. Работала Елена Александровна в конторе; Ян вытащил ее оттуда, устроил в Институт истории искусств, помогал ей материально, образовывал. Это она заранее исключила брак: помимо разницы в возрасте, здесь, наверняка, сыграли определенную роль принципы эмансипированной женщины. Ситуация, едва ли приемлемая в мире ценностей, исповедуемых в доме Захватовичей. Двойная лояльность безмерно тяготит Яна: «Я получил от Вас бесценные дары: благородство, любовь к правде и справедливости, так что я не могу вернуться к Вам без них. Но как это страшно, что все можно трактовать и по-другому». Ян не может принять решение, чувствует себя в

ловушке собственного выбора: «Я категорически написал, что еду, а недавно вновь засомневался, и так, что просто повеситься захотелось из-за этой проблемы [...]. На первый взгляд дело кажется ясным, но когда я начинаю думать, меня охватывает настоящее отчаяние, и мне ужасно тоскливо, и сердце разрывается на части... О приеме гражданства [польского, Э.З.] еще ничего не известно».

Вторая любовь Яна — архитектура. «Так я увязаю в архитектуре, но с чувством наслаждения. С большим страхом приступил я к первым своим архитектурным работам [...], но первая работа получилась очень хорошо». По письмам из Вильно он заключает, что родители одержимы идеей построить дом. Как в озарении, невыносимый клубок чувств, раздвоения любви, лояльности, культур внезапно находит выход в архетипическом образе Дома — семейного дома, дома на родине, дома архитектора: «Я хожу и думаю, сплю и вижу во сне, что строю Вам дом, и уже так старательно, во всех подробностях его продумываю и прорабатываю, что грех будет не дать появиться на свет этому нашему ребенку. [...] Ах, если бы Вы еще были так добры и терпеливы, что позволили бы мне перенести мои мечты на бумагу, а через два-три года осуществить то же самое в натуре, о! Если бы я был самым счастливым человеком на свете, и если бы я построил Вам такой дом, такой дом [...], что всё Вильно сбежалось бы с криками: «И нам! И нам, и нам!», тогда моя архитектурная карьера была бы обеспечена. [...] О, я найду в своей душе тысячи слов, чтобы попросить Вас об этом знаке доверия, и, в самом деле, эта проблема приобрела для меня столь глубокий смысл, так волнует меня, что не может быть, чтобы я не смог дать Вам чего-то достойного».

Этот проникновенный тон объясняется не только разорванностью между трудной связью и родителями, чей строгий взгляд Ян постоянно ощущает на себе. Его терзают и другие сомнения, не такие личные, с которыми он должен разобраться перед собой и перед всем миром, иными словами, сама по себе обоснованность его приезда в Польшу. Невероятно честно, без громких фраз, Ян выражает свои чувства в словах и формулирует взгляды: «Но, Мамочка, я не из тех, кто рассматривает любовь к отчизне с высоты своей никчемности, нет, об отсутствии в себе этого чувства я говорю с болью и сожалением, и всегда уважаю это чувство, если оно искренне и идет из глубины души и сердца, если оно органично. Именно поэтому я хотел бы сказать Жене [Эугениуш, брат Я.З.], что не нужно кричать о нем на каждом углу, ведь любовь к родине — это святое чувство [...]. Я хотел сказать, что у меня нет такой чистосердечности, а путь мой темен и печален. Так что, поверьте, у меня нет превратного представления о Польше и поляках, напротив, я в Польшу верю — ведь государство, построенное на любви к отчизне, не погибнет, поскольку это самый прочный цемент. Ведь именно потому разрушается и гибнет Россия, что в русских нет этих чувств».

И вдруг, в начале весны 1924 года, точнее, 4 марта, все противоречия и колебания исчезают, словно унесенные ветром. Приходит известие о разрешении на выезд. «Через несколько месяцев я буду стоять на пороге новой жизни, и я верю, что счастливой, ибо она идет под знаком встречи и соединения с Вами [...]. Боже, от этой мысли у меня кружится голова». Разрешение выдается при условии пересечения границы СССР в течение шести месяцев, так что об окончании Института нет и речи. Яна это не останавливает: он немного опасается, поступит ли в вуз, не потеряет ли времени, но он готов предпринять новые усилия. «После приезда я хочу немного отдохнуть, а потом усиленно изучать то, чего потребует специальность, и то, что мне необходимо, а помимо этого я не хочу ничего знать. [...] Считаю необходимым предупредить Вас, что я возвращаюсь с определенной жизненной программой и прошу у Вас поддержки (признаться, не сомневаюсь в том, что Вы ее мне окажете). Я возвращаюсь с верой, что всё, к чему я стремлюсь и что мне хотелось бы осуществить в жизни, найдет отклик в Ваших сердцах. [...] Я возвращаюсь уверенным, что слабость и нестойкость моей натуры не позволит мне ничего осуществить. Но это ничего, лишь бы была вера и светлые идеалы, лишь бы стремление [...]. Таким я возвращаюсь — смешным мечтателем. Но мои мечты, закованные в сталь — моя жизнь и оружие. Я верю в их правильность, как верю в добро, и в любовь, и в красоту».

Прощаться трудно, хотя Ян уезжает в уверенности, что через год вернется сюда вместе с родителями и тогда заберет в Польшу невесту, порадует сестру, обнимет шурина, напишет портрет столь любимого маленького племянника Димы. И еще одно трудное расставание — с городом юности: «Да и мне жаль их покидать. И их, и институт, и бедный, страшный, но близкий моему сердцу Петербург. В этой последней любви, наверное, у меня большое отличие от вас, не желающих и вспоминать о нем, но об этом лучше потом».

(Цитируемые письма Яна Захватовича предоставили его дочери, Катажина и Кристина Захватович).